

ГЛАВА 1.
ВАНЬКА-ПОЛУШКА

Мальчик сидел на маленькой белой скамеечке, сколоченной отцом, и смотрел на печь.

За стальной дверцей бушевал огонь. Тяга была хорошей, и печь гудела басовито и протяжно. В щели печной дверцы с выпуклым абрисом пятиконечной звезды пробивался яркий свет пламени.

Мальчик смотрел на эти проблески, слушал гул огня, стрельбу поленьев, металлическое дребезжание дверцы и плакал. Не от обиды, боли или страха. Просто плакал. Слезы текли сами собой — по щекам, к подбородку, срывались вниз, капали мальчику на руки. И оттого, что он не понимал причины этих слёз, он боялся, что кто-то из взрослых увидит его таким и спросит сочувственно: «Ты почему плачешь?»

Он ненавидел весь мир, кроме этой печи, этого гудящего и стреляющего огня, и не мог отвести глаз от дребезжащей дверцы. Она завораживала, манила, поглощала всё его внимание. Ему хотелось проникнуть туда, откуда пробивался огонь, где с треском умирали хорошо просушенные и вымороженные до звона поленья.

Мальчик втянул правую руку в рукав бумазеевой рубашки в крупную красно-синюю клетку, так, чтобы скрыло ладошку, и потянулся к дверце.

— Э-эй! Пацанчик, ты это брось. На прощание хочешь дом спалить? — послышался за спиной знакомый голос.

Игорь обернулся: в обтянутых кожей культях выше колена в комнату, переваливаясь с боку на бок, вкатился Ванька-полушка. На самом деле звали его Иван Николаевич, для соседской ребятни — дядя Ваня. «Мои ноги похоронены на Курской дуге», — любил говорить он.

ДОМ
на ВАЛЯВКИНАИгорь ГУРЕВИЧ
г. Архангельск

ПОВЕСТЬ

Игорь представлял: огромная стальная арка — выгнутый рельс, на котором висит пара чёрных сапог, как у папы. Из каждого сапога торчит вверх штанина солдатских брюк, заполненная ногой до колена. Под аркой на обрубках стоит заросший щетиной, пахнувший перегаром дядя Ваня и, задрав голову, грустно, протяжно и тонко воет, почти пищит надтреснутым противным голоском: «Ой, вы ноги, мои ноги!..»

Вообще-то, так дядя Ваня пел, когда напивался. Лежал на общей кухне и выл в потолочный керосиновый чад: «Ой, вы сени, мои сени!..» Потом приходил в себя и через пару дней вновь появлялся, чаще вечером, когда большинство соседей собиралось на кухне: женщины — стирать — стирать, мужчины — «козла» забить или парой слов перекинуться, дети — поиграть в догонялки — прятки. Ваня в такой день был прилично помят лицом, но свежевыбрит, наодеколонен, в чистой и выглаженной, выцветшей до песочного цвета гимнастёрке с подшитым белым воротничком — «при параде». Для пущей убедительности в благости своих намерений он прицеплял на гимнастёрку с левой стороны медаль «За отвагу». Все знали, что у Ивана Николаевича есть ещё награды и даже ордена. Но он надевал что на праздники, что в такие дни исключительно одну эту медаль.

Упираясь руками в пол, дядя Ваня молодецки выпрыгивал на середину кухни и начинал каяться, без завываний и причитаний просто говорил, но говорил так, что женщины у керосинок и тазов с постирушкой краями передников отирали слёзы.

— Простите меня, соседи единокровные, — говорил Ваня. — Нет у меня после матери никого роднее вас. Хотела она сегодня прийти сюда со мной, поддержать непутевого сына. Но я не разрешил. «Нечего тебе, мама, сказал, позор такой на себя принимать. Моя вина, мне и ответ держать». Вот и держу. Простите, Христа ради! По жизни я Ванька-полушка, никуда мне от этого, видать, не

уйти. Как ноги по новой не вырастить. Был бы с ногами, звали б Ванька-литровик, а так полушка...

В этом месте мужики, присутствующие при покаянии, скалились. Но женщины цыкали-шипели на них. Иному даже подзатыльник доставался. А Ванька выдерживал паузу и, не слыша ответного хихиканья, продолжал:

— ...И поскольку ноги мои с Курской дуги сами сюда не придут, как не придут мои товарищи боевые, поскольку мёртвые сраму не имут, и, значит, некому встать за меня. Я говорю вам, соседи мои, родные мои люди, простите меня за то, что Ванька-полушка два дня тому назад был Ванькой-стелькой и устраивал здесь половой кордебалет. И если вы сочтёте моё поведение краем безобразия и вашему терпению наступил предел, вышвырните меня сейчас прямо на улицу. Я не стану ни противиться, ни плакать, потому как это будет справедливо, и мне непрощённому вам в глаза и матери не посмотреть, к друзьям моим павшим в мыслях моих не обратиться. Но если вы в сердцах своих зла на меня, беспутного, таить не станете, если отпустите сегодня мой грех, я готов искупить не словом, а делом. Вы ж знаете, дорогие мои соседи, что хоть ноги мои похоронены, но руки-то при мне.

Кто-то из соседей не выдерживал и выкрикивал:

— Заканчивай уже, Иван Николаевич, поминальную песню!

И тут начинался галдёж:

— Знаем мы твои руки — золотые руки! Такие не то что на всей Валявкина, во всей Соллобале не сыщешь. А то, что слабость имеешь, — так это с кем не бывает. Ты, главное, с головой, Ваня, всё же дружи. Без ног-то оно что — можно по земле скакать: сам ты вон как приноровился. А без головы...

И поднимали прощённого с пола, садили за стол, потчевали ватрушками-блинами, сушками-конфетами, мёдом-вареньем с чаем. Кто-то уходил за матерью Вани. Та

появлялась — худенькая, почти прозрачная в платочке беленьком, с ясной улыбкой на морщинистом лице и кланялась со словами: «Спасибо вам, соседи, что сына моего беспутного...»

Но ей не давали договорить, усаживали рядом с сыном, подавали на блюде чашку нарядную с дымящимся чаем. Ребягня тут же тёрлась, рядом. Детей тоже сажали за стол. Откуда-то на столе появлялось спиртное — винцо да водочка. Но в меру, так, чтобы разговеться слегка — и хватит. Не праздник чай. А с утра многим на работу, да и других дел невпроворот.

Сам герой по такому случаю в рот ни капли не брал. Соседи понимали и даже предлагать не пытались. А Иван Николаевич, как король, сидел во главе стола, улыбался смущенно, слушая добрые слова в свой адрес.

Между тем соседи то один, то другой выходили и возвращались кто с кастрюлей продырявленной, кто с электроплиткой перегоревшей, кто с ножом со сломанной рукояткой. Иван Николаевич брал в руки каждую неисправную вещь, будто младенца новорожденного, бережно, нежно. Разглядывал, порой языком цокал, головой качал. Но почти каждый раз за редким исключением произносил: «Справим дело. Послужит ещё». А хозяин или хозяйка, сидевшие только что тише воды и ниже травы, боясь вздохнуть, пока мастер сломанную вещь рассматривал, выдыхали радостно: «Уф!» И все вокруг улыбались, кивали друг другу, кто-то даже в ладоши начинал хлопать, и повторяли: «Послужит ещё!»

После этого Иван Николаевич две, а то и три недели не пил, пока всё до последней вещицы не отремонтирует, отлудит, отчистит, запаяет. Денег при этом ни копейки не просил. Однако ж соседи сами с головой: знали, что сколько стоит. Полученные дензнаки мастер, бывший танкист-механик, маме все отдавал на сохранение.

Но как только припаивал последний проводок, выпускал из своих рук последний

отремонтированный радиоприемник, так говорил: «Мама, выдай мне с полочки на разговение».

Мать вздыхала, не противясь, и отсчитывала на две полушки. Только скажет бывало без всякой надежды: «Ты бы это, Ванюша, нонче не разгонялся». — «Это как получится, мама», — отвечал сын и скоком своим безногим отправлялся из комнаты в коридор общий, а там по лестнице со второго этажа — вниз. На тележке — всегда наготове — аккуратненько лежали коротыши-толкалки из срезанных нижних отростков старых костылей с резиновыми накладками. Ванька-полушка называл их ласково: «Мои палочки-выручалочки». Сверху каждой были просверлены дырки и в них продеты веревочные петли, как у лыжных палок. Скидывал мастер-калека «карету» свою с крылечка, сам следом сползал на культапках, ловко забирался на тележечку боком да скоком, приторачивал себя ремешками, продевал руки в петли палочек-выручалочек и, отталкиваясь ими от земли, как справный лыжник, с шуткой-прибауткой да весёлым присвистом катился в магазин за выпивкой. Ну, а ежели снег по колено или грязь от осени-весны непролазная, досадовал, что не выйдет прогуляться да с народом пообщаться, дожидался или кликал гонца, но своё получал.

Так и жил человек.

ГЛАВА 2.

«РАЦИОНАЛЬНЫЙ КРУГОЗОР»

Игорь рос впечатлительным мальчиком: всё им услышанное и до конца или абсолютно непонятное он представлял в красках. Иногда это выходило практически мгновенно, в таких случаях он кивал головой: «Понятно». Взрослые удивлялись: «Какой умный мальчик! Сколько он всего знает!» А у мальчика было всего лишь развитое воображение и цепкая память.

Например, что такое планшет, он узнал значительно раньше, чем паштет. Потому

что планшет на плече отца, когда тот уходил на службу, и на вешалке, когда у отца был выходной, Игорь видел каждый день. А вот паштет, да ещё куриный, он впервые увидел и попробовал в четыре года, когда гостил у бабушек в Киеве.

Бабушки знали, что с деликатесами на «ихнем Севере» для ребёнка дела обстоят хуже некуда. («Одна варёная треска, и та сначала просоленная, да картошка вымороженная!») Поэтому они старались побаловать ребёнка хотя бы летом, когда уставшие за трудовой год родители сбавляли его старикам на пару месяцев.

«Баловать» в понятии бабушек означало закармливать вкусненьким и свеженьким до икоты и одышки, при этом всякий раз избредая или покупая что-то новенькое из съестного, так сказать, расширяя «рациональный кругозор» ребёнка. Это были слова бабушки Ривы, говорившей: «У ребёнка должен быть правильный рацион: вкусный, свежий и сытный. И не только для того, чтобы он рос здоровым. Но и чтобы, когда ребёнок станет, а он станет, не сомневайтесь, умным и воспитанным взрослым человеком, то одним из признаков его зрелости будет рациональный кругозор. И мы-таки приложим к этому руку, раз родители этого замечательного ребёнка на ихнем Севере не могут этого сделать в силу сложившихся обстоятельств». После этих слов бабушка смахивала невидимую слезу и предлагала внуку попробовать «что-то новенькое из вкусненького».

Так однажды она спросила: «Игорёк, ты знаешь, что такое паштет, и к тому же куриный?» — или что-то в этом роде. «Конечно!» — обрадованно выкрикнул мальчик, потому что тут же представил себе цыпленка, которого папа достает из своего планшета. То, что цыпленок — сын курицы, Игорь уже знал, а то, что целая курица в планшет не влезет, понимал. Цыпленок, которого достали из папиного военного планшета в его представлении должен был называться Паштетом с большой

буквы, и сейчас ему предстоит — наконец-то! — взять в руки этот тёплый жёлтый пушистый комочек, который он сотню раз видел на картинке и ни разу живьём.

Бабушка от реакции внука впала в уныние: разочарование непроизвольно отразилось на её крупном, ещё моложавом лице, печаль заволокла карие глаза, и она потускневшим голосом сказала:

— Иди на кухню. Там на нашем столике увидишь.

Мальчик вприпрыжку поскакал на общую кухню. На бабушки-дедушкином кухонном столике, покрытом синей клеёнкой с красными розами, он увидел... блюдо с золотым ободком, на котором лежал приличный шмат арнаутки, намазанный не менее приличным слоем чего-то бледно-коричневого, неприятно напомнившего...

Пришло время расстроиться мальчику.

— Это что? — спросил он разочарованно.

— Это паштет. И к тому же куриный. Дед сам приготовил специально для тебя, — ответила бабушка.

Дед у мальчика был профессиональный мясник-колбасник, и всё, что было связано с мясом, попадая в бабушкин дом, частью которого был и дед, не могло быть ничем другим, кроме «специально им приготовленным».

Специально приготовленный «паштет, и к тому же куриный», на самом деле оказался непревзойденным. Сидя на высокой табуретке, мальчик болтал ногами и уплетал бутерброд за обе щёки, запивая сладким тёплым — «специально остуженным для ребёнка» — чаем. А бабушка стояла рядом («Мне так легче, чтобы спина не болела!») и, сложив на груди руки, умильно смотрела на то, с каким аппетитом ест этот ребёнок. Не то что его отец, который даже в войну, когда голодали в эвакуации, предпочитал подбирать и совать в рот всякую дрянь, лишь бы не есть по-человечески. Да хоть бы с отрубями, но хлеб, а не грязную шелковицу, к тому же с земли, чтобы потом болеть и пытаться уме-

реть, испытывая материны нервы и забирая здоровье.

— Нет, этот золотой ребёнок не будет ничего есть с земли! Потому что мы воспитаем в нём рациональный кругозор. Или ты не согласен, Миша? — обращалась она к мужу.

Дед мальчика, улыбаясь, кивал в ответ:

— Как скажешь, Рива, как скажешь, — и добавлял грустно: — Эх-хэ-хэ...

ГЛАВА 3. ЛЮБИТЕЛИ СВЕТА

1

— Не грусти, пацанчик! — Ванька-полушка стоял рядом с мальчиком — их головы были вровень друг другу. Оба завороженно смотрели на огонь.

Иван Николаевич источал легкий водочный дух, похожий на слегка горчащие духи. Он был в начале затяжного запоя, когда пропущен едва ли один стакан, мир наполнен красками, светом и радостью. Благодаря этому своему благостному состоянию, природной доброте и нерастраченному отцовству Иван Николаевич почувствовал настроение мальчика и сказал:

— Жаль... — и приобнял сидящего на табуреточке Игоря за плечи.

Мальчик непроизвольно всхлипнул и отёр ладонью глаза.

— А ну-ка, посмотри, что я тебе принёс. — Иван Николаевич засунул руку за пазуху и достал оттуда картонную книжицу с тетрадный лист.

Игорь чуть не задохнулся от восторга: он хорошо знал, что это.

2

Сколько раз в гостях у дяди Вани он, сидя в гостиной за круглым столом, накрытым белоснежной скатертью, бережно открывал самодельные, аккуратно обклеенные цветным

дерматинном кляссеры и с замиранием сердца разглядывал их содержимое — этикетки со спичечных коробок, вставленные в прозрачные кармашки.

Игорь вспомнил, как первый раз он увидел красочное богатство, а дядя Ваня стал рассказывать:

— Я этикетки ещё со школы собирал. А перед тем как уйти на фронт с первого курса педагогического, маму попросил это богатство беречь как зеницу ока. И она ведь, мама моя, когда в домик наш бомба попала, из огня только и успела что вынести документы, продуктовые карточки да кляссеры с этикетками — все до единого. Понимаешь?

А когда мне ноги отхватили, я ведь домой возвращаться не собирался: зачем матери такая обуза? Да и знакомых, друзей встречать в таком виде не хотелось. Особенно... — в этом месте дядя Ваня замолчал, скривился и рубанул рукой наотмашь, словно отсекал, избавлялся от чего-то ненужного: — Да бог с ней!.. Так вот, мама моя нашла меня, в госпиталь приехала, хотя я ей адреса не давал и про безножие своё не писал — вообще писать перестал. А она нашла и приехала. Я в палате глаза открыл — передо мной мама сидит. Такая же, как на кухню приходит за меня, дуралея, слово молвить: в платочке беленьком, платьице синем в горошек. Такая же, только моложе почти на двадцать лет. И говорит: «Ну что, сынок, будешь дальше этикетки свои собирать?» — и протягивает мне свёрток в белой холстине. Я как заворожённый беру, разворачиваю, а там все мои кляссеры. Тут я — сам не пойму, как получилось, — заплакал. Как маленький. И жить захотелось. Понимаешь?..

3

— Это мне? — голос у Игоря предательски дрожал: он едва сдерживался, чтобы не закричать: «Ура!»

— Тебе... тебе, — усмехнулся дядя Ваня. — Пусть будет память.

— Пусть будет... — эхом откликнулся мальчик. И ещё раз повторил: — Пусть будет.

И они стали вдвоём смотреть на огонь. Маленький и большой — одного роста. Два филумениста¹.

4

Это слово Игорь услышал от дяди Вани в тот самый день, когда впервые разглядывал его коллекцию этикеток, сидя за большим круглым столом. Дядя Ваня ловко вскарабкался рядом на венский стул с гнутыми ножками и ажурной спинкой и объяснял. Даже не так... Не объяснял, а взахлёб рассказывал про этикетки, про то, что на них изображено.

Игорю особенно понравилась серия про космос: спутник, ракета, Юрий Гагарин. А ещё этикетки, посвященные сорокалетию пионерской организации: они были совсем новенькие, на каждой изображены мальчик или девочка в красном галстуке и даже с горном, а еще пионерский значок с девизом «Всегда готов!». Игорю оставался целый год до школы, но он уже умел сносно читать, почти не запинаясь на слогах. И ему было интересно не только разглядывать этикетки, но и читать, что на них написано.

В тот раз дядя Ваня взял в руки аккуратный сверток чистой белой холщовой материи, бережно развернул его и достал три серых картонных кляссера:

— Вот, это та самая моя довоенная коллекция, — он говорил и, почти не касаясь широкой ладонью, будто перед ним одуванчики, поглаживал кляссеры. — Та, что мама мне в госпиталь привезла. Вот как в тряпице этой привезла, так и храню. Здесь почти все фабрики основные спичечные. Красная звезда,

Демьяна Бедного, Ленина, Кирова. А эта Везувий. Знаешь, что означает Везувий?

— Вулкан, — без запинки ответил Игорь.

Ванька-полушка с уважением посмотрел на мальчика:

— Ну ты, пацан, даешь!

— Ничего я не даю, — нахмурился Игорь. — Это папа, когда мы в города и названия всякие играем, говорит. Чтобы заканчивалось на И краткое и мне было труднее слово найти в ответ.

— Да ты не обижайся. Это я от уважения так сказал. А знаешь, как собиратели этикеток называются? Филуменисты — «любители света» с латинского. Красиво, правда?

— Красиво, — согласился Игорь.

5

— Ты хоть глянь, что я тебе принёс, вдруг не понравится, — нарушил молчание Ванька-полушка.

Игорь открыл кляссер. На него смотрели Гагарин, Циолковский. На одной из этикеток было написано «Штурм вселенной». На другой «Восток-2» покорял космическое пространство. Это была его любимая серия.

Подбородок опять предательски задрожал, глаза защипало, и Игорь расплакался.

— Ну-ну, — дядя Ваня обнял мальчика за плечи. — Любители света не должны плакать!

— Я и не плачу. Я просто не хочу уезжать, — всхлипывая, ответил Игорь.

— А родителей хочешь отпускать? — спросил дядя Ваня.

Об этом Игорь не задумывался. Слова дяди Вани застали его врасплох. Слезы прекратились, и он прошептал:

— Тоже не хочу.

— Вот видишь, — вздохнул дядя Ваня. — В жизни всегда так: приходится выбирать.

— Как тогда вам в госпитале?

— Как тогда...

¹ Филумения — коллекционирование спичечных этикеток, коробков, буклетов (спичек-«книжечек»), самих спичек и других предметов, связанных со спичками.

6

И они опять замолчали и стали смотреть на огонь. Любители света.

— Я сейчас уеду, но всё равно вернусь.

Игорь не заметил, как дядя Ваня выкатился за порог квартирки, и он сейчас разговаривал сам с собой.

— Конечно, вернёшься.

— Ты кто? — спросил мальчик.

— Ты сам знаешь. Приглядишься

Игорь повернул голову налево и стал напряжённо всматриваться в полумрак мартовского вечера. Другой бы признался себе честно: нет здесь никого. Но Игорь решил для себя, что есть, и спросил:

— Ангел?

И тут же рядом расплылось тёмное пятно, очертаниями напоминая фигуру со сложенными крыльями.

— Вот видишь. Даже не надо было подсказывать.

Слова ангела звучали у Игоря в голове, но сам он говорил вслух:

— А что тут подсказывать. Ты всё время приходишь.

— Так уж и всё время?

— Всё время! — сердито вскрикнул Игорь.

— Ладно-ладно. Будь по-твоему, — подходящий ангел был миролюбивым и практически всегда соглашался с мальчиком. — Зелёного с собой возьмешь?

— Почто он мне сдался, — насутился мальчик.

7

«Зелёным» ангел называл плюшевого мишку — любимую Игореву игрушку.

Вообще, ангел, до того как стать ангелом, был этим самым зелёным плюшевым медведем. И Игорь с ним разговаривал — «вёл долгие беседы». Особенно когда ложился спать и накрывался с головой верблюжьим одеялом — забирался «в пещеру» со своим медвежон-

ком. В этой «пещере», которую медведь упорно называл «берлога», они перешёптывались, рассказывая друг другу обо всём, что произошло за день.

Снаружи пещеры — «нет, берлоги!» — завывал ветер. Иногда даже целый буран со снегом. «У-у-у-ш-ш-ш... у-у-у!..»

— Зачем ты так делаешь? Я боюсь! — шептал медвежонок.

— Это не я. Это злой ветер: у-у-у-ш-ш-ш!... — гудел и шипел Игорь. — Не бойся: я с тобой, — и прижимал медвежонок к груди, сгибая ноги в коленях и подтягивая чуть не к самому подбородку. — Я тебя никому не отдам.

— Я знаю, — и медвежонок старался обнять зелёной плюшевой лапкой крепкую шею своего верного друга и защитника.

— ...С кем это ты там долгие беседы ведёшь? — раздавался снаружи строгий голос матери.

— Элла, отстань от ребёнка. — Это уже отец.

— Что значит «отстань»? — сердилась мать. — Ему завтра ни свет ни заря в садик вставать. Или ты забыл, что это не в соседнем доме?

— Ладно, ладно, — соглашался отец, подходя к детской кроватке. Игорь чувствовал на своей голове сквозь одеяло руку отца, большую и добрую:

— Мы спим, — шептал мальчик.

— Вот и хорошо, — шепотом соглашался отец и громко объявлял в гостиную, где мама уже включила телевизор посмотреть вечернее кино: — Они спят!

— Что ж ты так орешь?! — кричала в ответ мать. — Так и мёртвого разбудишь!

«Это страшные великаны. Не бойся — я с тобой!..» — шептал Игорь и ещё крепче обнимал плюшевого медвежонок. Так они и засыпали, прижавшись друг к другу в своей пещере-берлоге, под вой ветра снаружи и перебранку заботливых родителей.

ГЛАВА 4. УШИ ГОРЯЧИЕ И ХОЛОДНЫЕ

1

Родителей Игорь любил и боялся. Не в том смысле, как боятся дети, которых часто наказывают. Его никогда не наказывали. Или почти никогда. Те редкие случаи, которые случались, он когда-то помнил наизусть. Их было два или три. Теперь точнее назвать цифру не представляется возможным, потому что Игорь стал взрослым. Не просто взрослым, а очень взрослым, проще сказать, старым. Он пишет этот текст, не зная, что из этого получится — повесть или роман. Поэтому он просто пишет и говорит о себе, том мальчишке из далёкого полузабытого детства, в третьем лице.

И о себе сегодняшнем он тоже говорит в третьем лице. Потому что сегодняшний он незнаком тому мальчишке из барака, когда-то построенного для вахтовиков, ставшего впоследствии многоквартирным двухэтажным домом с огромной коммунальной кухней, общим туалетом прямого падения, общим двором с одним общим огромным сараем, разделённым на отдельные клетки по количеству квартир. У каждого входа в клеть — в сараюшку — по небольшой поленице. Остальные дрова хоронилась внутри клеток. По поленицам можно было легко взобраться на крышу сарая, а зимой ещё и сугробы в один взрослый и два ребячьих роста помогли.

Зимой вообще было здорово прыгать сверху в эти самые сугробы. Взрослые, конечно, ворчали, но крепко не ругались. А Ванька-полушка как-то раз даже сам попросился:

— Робя! — (Не как обычно говорил «пацанчики», а как принято было здесь — «робя».) — А ну-ка заволоките меня наверх, раскачайте — да в сугроб.

Ребята, которые постарше, было воспротивились:

— Да ты что, дядя Ваня! Покалечишься или вообще убьёшься.

— Так вы ж не разбиваетесь.

— Так мы ж... — и ребята осеклись.

— Хотели сказать «с ногами», — усмехнулся дядя Ваня. — Это как раз более опасно: ноги переломаете. А мне и ломать нечего, — и он похлопал себя рукавицами по кожаным «нашлёпкам», притороченным крепко-накрепко к остаткам ног поверх ватных брючин.

Ребята переглянулись между собой: дядя Ваня, похоже, был прав, — и вчетвером на троне из сплетённых рук, как учили старшие, подняли бывшего танкиста. Тот обнял двоих за шеи, и гусиным шажком, сгибаясь под тяжестью ноши, ватажка засемила к сарайкам.

Добрались, посадили дядю Ваню на плаху для колки дров, отерли пот. Дальше чего делать? Старшему едва стукнуло одиннадцать, но он уже перешёл в пятый класс и потому верховодил:

— Короче, робя, мы так его на крышу не заволочим. Надо какие-то приспособы придумать.

— Я все слышу, пацанчик, — окликнул старшего Ванька-полушка.

Он снял рукавицы, положил на свои обрубки, достал из нагрудного кармана телогрейки портсигар, вытащил беломорину, выбил гильзу о мельхиоровую крышку. На крышке был изображён мужик на коне, в старинном богатырском шлеме и кольчуге. Мужик привстал на стременах, натянул левой рукой поводья, а правую в рукавице выставил вперед, будто путь указывал.

У ребят перехватило дыхание: ух ты!

— Это кто, дядя Ваня?

Дядя Ваня не стал спешить с ответом. Спрятал портсигар, сунул папиросу в рот, прикусил, достал коробок, потряс у самого уха. Внутри сиротливо протарахтела одинокая спичка, вынул аккуратно, чиркнул. В этот момент предательски дунул порыв зимнего ветра.

— Ну вот, погасла, — разочарованно протянул Ванька-полушка.

— У меня спички есть, — Игорь, которому по причине малолетства не доверили нести героя войны, протянул дяде Ване больше чем наполовину заполненный спичками коробок.

— Чё ты лезешь? — рассердился на него старший из ребят по прозвищу Серый.

— А ну, затихни! — одёрнул того Ванька-полушка и с благодарностью взял у Игоря спички.

— У мамки, небось, стащил на кухне, — злобно зашипел из-за спины Серый. — Вот я всё ей расскажу.

Игорь почувствовал, как у него вспыхнули огнём уши. Если бы не дядя Ваня, он бы сейчас сцепился со своим обидчиком. Конечно, Серый при этом накостылял бы семилетнему Игорю под первое число. Но это случилось бы потом.

2

Игорь точно знал, что, когда у него горели уши, он мог у человека запросто... нос или ухо откусить... ну, или крепко поколотить. Пару раз у него это получилось в садике. Первый случай не запомнил. Родители порой вспоминали, каждый раз читая нравоучения: так делать нельзя. В общем, была какая-то мутная история, чуть не ясельная, которая, по словам родителей, кончилась разбитым о голову мальчика деревянным грузовичком.

Что, к чему и почему, Игорь напрочь забыл, а родители подробности не рассказывали, только всякий раз напоминали: «Опять? Держи себя в руках! Или мало тебе одной разбитой головы?»

Второй известный случай бесконтрольного проявления гнева тихого и послушного мальчика произошёл уже перед самой школой. Это случилось, когда они в трусах и майках в холодной огромной спальне лежали в кроватях на дневном сне. На самом деле это были вовсе не кровати, а деревянные топчаны с ху-

досочными матрасами и плоскими подушками. Синие деревянные топчаны стояли близко друг от друга в три ряда по девять штук в ряд. В тот раз в наказание за то, что «не закрывал рот», Игоря положили с краю. Соседом слева оказался самый вредный и приставучий паренёк. Игорь забыл его имя, как только поступил в школу. Была у него такая исключительная способность: напрочь забывать тех, кто когда-то его обидел. Он забывал не только имена, но и лица. Хотя обиды запоминал на всю жизнь.

Вредный сосед, лежа под одеялом, стал дразнить Игоря жирпромом и мерзко хихикать. Игорь молчал в надежде, что воспитательница и нянечка накажут болтливую соседку, как только что его самого, и вовсе поставят в угол. Но те, как назло, вышли из спальни и закрылись у себя в комнатёнке без окон. Из-за дверей раздавался смех: визгливый — воспитательницы и басовитый — нянечки.

В конце концов Игорь не выдержал насмешек и огрызнулся.

— Ты чо сказал?! — взвился сосед и вскочил с кровати. — Я те сейчас нос откушу!

Игорь хмыкнул.

— Не веришь! — глаза мальчишки в буквальном смысле налились кровью, он прыгнул на Игоря и действительно что есть силы схватил зубами за нос.

Из глаз Игоря брызнули слезы. Он совсем не по-детски, а по-звериному вскрикнул, даже зарычал так, что вся группа окончательно проснулась. Нянечка и воспитательница, ошарашенные, выскочили из своего убежища. Но пока они подбегали, Игорь успел сбросить с себя обидчика на пол, навалился на него, худенького, почти тщедушного, всем своим весом и, вцепившись двумя руками в волосы, молча, со свирепым рычанием колотил мальчишку головой об пол. Взрослые еле отодрали Игоря от уже не сопротивлявшегося мальчика.

Случай был вопиющий. Мальчика увезли на скорой с подозрением на сотрясение мозга. Маму Игоря вызвали с работы.

В кабинете заведующей мать допрашивала сына:

— Ты за что избил мальчика?

Игорь набычился, смотрел исподлобья и молчал. Посиневший кончик носа со следами укуса красноречиво говорил сам за себя. Но никто ничего не хотел замечать.

Воспитательница с нянечкой противными заискивающими голосами наперебой объясняли заведующей и матери, как Игорь плохо себя вёл целый день. А мальчик, которого Игорь побил, вообще замечательный мальчик, мухи не обидит — вон какой худенький.

Заведующая обрывала подчинённых и давила на мать:

— Вы понимаете, что сейчас произошло? Как ещё родители мальчика отреагируют. Но мы в любом случае обязаны сообщить куда следует.

— Никуда не надо сообщать! — мать умоляюще смотрела на заведующую. И тут же срывалась на Игоря: — Я с тобой дома разберусь! Мы с ним дома разберемся, — словно переводила на другой язык для заведующей и воспитательницы. — А с родителями я сама поговорю, я их знаю, — в садик выдавали места от исполкома не абы кому, поэтому все всех знали. — Мы с мужем сделаем всё, что нужно. Главное, чтобы ребёнок у них был здоров.

В тот раз Игорь усвоил, что его здоровье не главное, если что. И про себя решил, что в следующий раз будет доводить дело до конца. До какого, он не очень понимал. Но так, чтобы поводов для подобного с ним разговора не возникало, чтобы сразу, как кричала воспитательница в группе: «Тебя арестуют и посадят!»

Домашняя порка отцовским ремнём не столько больная, сколько обидная, ещё и потому, что лупила мать, только укрепила его в угрюмых выводах.

3

Однако в том же году, летом, в последний свободный месяц перед первым классом его

взгляды на месть и драку диаметрально поменялись. Причиной этому стал дед.

Хотя дед его учил не совсем этому, а вернее, совсем не этому. Но получилось как получилось.

В один из очередных своих приездов в тёплый и красивый город Киев, когда бабушка и дед сняли на неделю домик на реке Ирпень, Игорь попал «под замес»: пацаны, тоже приехавшие отдохнуть со своими родными, устроили ему настоящую травлю. Заводилами, как обычно, были ребята постарше — парочка восьмилеток. Ну, а остальная мелюзга, человек пять, подыгрывали да подпевали. «Жирпрокомбинат» было самым безобидным из припасённого специально для Игоря набора дразнилок. К этому добавлялись тычки-пинки, бросание сзади репейником так, чтобы он насмерть застревал в густых курчавых волосах.

Первые два дня Игорь терпел, старался, как мог, избегать встреч с издевателями, чем ещё больше их раззадоривал. Старшие организовали из малышни «разведотряд»: «разведчики» выслеживали Игоря по всему пансионату, сообщали старшим, и те, как печенег, во весь дух мчались туда, где пытался укрыться «жирпром». Ничего личного к Игорю они не имели: пацан как пацан. Ну, даже не толстый... так... полноватый. Ну, не любит из рогаток по «жидкам»-воробьям стрелять. Так это всё фигня, не повод, чтобы цепляться. Просто ничего на свете нет скучнее отдыха в домиках пансионата на Ирпене, Днепре или ещё какой-нибудь речке-замухрышке. Да ещё под приглядом старых зануд бабок. Бр-р-р-р! И это в то время, когда нормальные одноклассники все на Чёрное море поужакали или в худшем случае — на Азовское. А есть — особая зависть! — ещё и те, которые в Москве или Ленинграде побывают. И уж совсем особенные, типа внучки директора конфетной фабрики, — в Литве и даже Таллине.

Как же они ненавидели всех этих внучек и прочих! Не за то, что тем повезет провести

лето на Черном море, в Москве и Прибалтике, а за то, что они вынуждены угробить каникулы на Ирпене среди тоскливых сосен, мух и бесконечных обедов по расписанию.

Появление Игоря стало отдушиной, глотком веселья в кромешной тоске пригородного лета.

В конце концов Игорь не выдержал, пришёл в слезах к деду и всё рассказал.

Дед выслушал и неожиданно сказал:

— Ну и что?

— Как это «ну и что»? — у Игоря полыхнуло в груди. Руки сами сжались в кулаки, а на глаза навернулись слёзы.

— А вот так, — сказал дед. — Они тебя дразнят, а ты психуешь. Небось, уши горят и щёки.

Мальчик согласно кивнул.

— Ну и что толку? Им от этого только радостнее — прямо цирк. И они ещё больше тебя дразнят, как котенка. А ты шипишь и коготки выпускаешь — смех, да и только.

— Так что же делать? — Игорь был обескуражен.

— Ничего не делать, — поучал дед. — Не обращать внимание, мимо пройти. Только не убежать. Спокойно, будто это ты хозяин, а они — шкодливые котята.

— Но как же спокойно?! — Игорь вспомнил недавние обиды, и его уши опять полыхнули.

Дед усмехнулся:

— Ну, во-первых, дожждаться, чтобы уши тебя не выдавали.

— А так можно?

Дед кивнул и научил Игоря успокаиваться: три глубоких вдоха и про себя подумать про обидчиков как про козявок.

— А можно как про тараканов? — Игорь тут же представил своих обидчиков в виде тараканов с выпученными глазами и почему-то в трусах белых в синий горошек. Он невольно рассмеялся.

— Можно, ты только за ушами следи, чтобы не были горячими.

— А если они драться полезут?

— Если полезут — бей первым. Но чтобы уши были при этом холодными, — повторил дед.

— Ледяными? — усмехнулся Игорь.

— Можно и так сказать.

— А как я пойму?

— Поймешь. Кровь от головы отхлынет — и сразу поймешь: всё станешь видеть, понимать. И куда бить — будешь точно знать...

4

— Ты чему ребёнка учишь! — кричала бабушка на деда. Они с Игорем и не заметили, откуда она появилась за их спинами. — Азыхен вей! Тебе было мало драчуна Буси. Тоже твоё воспитание.

— Рива! Геникшн²! Угомонись. Я ничего плохого ребёнку не говорил. А за Бусю, Рива, не надо: он сам хорошо разбирался в ребячьих делах. Вечная память!

— В «ребячьих делах»!.. Я не хочу, чтобы ребёнок дрался! Не хочу, слышишь!

— Слышу, — согласился дед и обратился к Игорю: — Не дерись. Если обидят, беги к бабушке: она тебя спасёт.

— Миша! Ты на старости лет совсем головой стукнулся? Только и умеешь, что идиотские шутки шутить...

Игорь не стал дальше слушать перепалку. Побежал к реке посидеть на берегу, обдумать всё то, что услышал от деда.

И он всё обдумал. Два дня тренировался: вспоминал пережитое унижение, распалаял себя и чувствовал, как начинали гореть уши. Даже зеркальце у бабушки взял на время, чтобы разглядывать себя: красными были не только уши, но и всё лицо.

А потом начинал глубоко дышать, как учил дед. Но сразу «сделать уши холодными» не получалось. Даже если он представлял себе маленьких тараканов, пытавшихся на него наскочить.

² Геникшн — у евреев «бестолочь», «глупец».

Тогда он стал представлять себе, как берет в руки палку, спокойно подходит к ним. А потом неожиданно наносит что есть духу удар по башке одному и второму. В эти моменты на Игоря из зеркальца посмотрело лицо с холодными глазами, сжатым ртом, вздувшимися желваками и при этом мертвенно-бледное, чуть не синее. По сравнению с пунцовым пожаром это было более чем убедительное зрелище!

После двух дней тренировки он решил проверить, как говорят взрослые, закрепить полученные знания на практике...

5

Скандал разразился жуткий.

Двое отдубашенных «жирпромом» заводил в синяках и кровоподтеках даже не выходили на улицу. Бабушка, накричав на деда, побежала к потерпевшим извиняться.

Игорь с дедом сидели в домике, пили чай и молчали, каждый по-своему ожидая возвращения бабушки.

Та вернулась неожиданно спокойная и весёлая. Правда, на Игоря взглянула строго и сказала:

— Марш в комнату! Наказан: гулять не выйдешь до вечера и купаться три дня не будешь.

Игорь почувствовал ложь и подыграл — заканючил:

— Ну, бабушка!..

— Марш, кому я сказала!

Мальчик демонстративно нахмурился, опустил голову и убрёл в комнату, притворив за собой дверь, к которой тут же прильнул ухом. Громкий бабушкин шёпот был хорошо слышен за фанерой.

— Ты представляешь, эти ж двое приехали с бабушками и мамами. В общем, готовилась настоящая женская разборка. А это не ваши мужские майсы³. Это...

Игорь услышал, как бабушка глубоко вздохнула, будто что-то припоминая. А дед

³ Майсы — дела.

крякнул: «Да уж!» На кухоньке ненадолго воцарилась тишина.

Но затем снова раздался бабушкин шёпот:

— Я думала, придётся держать оборону: извиняться и заодно напомнить, что их киндеры тоже хороши — довели ребёнка. Но вместо этого они мне стали говорить спасибо: без отцов, сказали, дети совсем отбились от рук. Скорешились⁴ и стали чудить: матерей с бабками не слушаются, бычки от сигарет собирают по всему пансионату. Вот и из Игоря козла отпущения хотели сделать. Однако хорошо он их проучил — может, остепенятся. Это они так сказали.

— Э... — замычал было дед.

— Замовкни⁵! — прикрикнула на него бабушка и снова перешла на трагический шёпот: — Это вовсе не значит, что то, чему ты научил ребёнка, хорошо. Ты, Мойша, балбес! Что ты сказал?

— Я ничего не сказал, — зашептал в ответ дед. — Балбес так балбес.

— То-то. Чай будешь?

— Буду.

— Игорь! — крикнула бабушка. — Иди пить чай с печеньем.

Про наказание больше никто не вспоминал.

ГЛАВА 5. ЛОЖЬ И ПРАВДА

1

— ... Это не воспоминания. Это твоя выдумка. Фантазёр!

Кто такие фантазёры, Игорь знал: рассказ Носова, и не только этот, он прочитал ещё до школы.

— Я не вру! — возмутился он.

— Я ж не сказал «врёшь». Я сказал, что ты выдумываешь. — Ангел мягко улыбнулся в ответ.

⁴ Скорешиться — сойтись, сблизиться, подружиться.

⁵ Замовкни — замолчи.

— Какая разница? — не унимался мальчик.
— Ну, где?.. Где, что я выдумал?!

— Да всё. Загибай пальцы. Мама тебя хоть раз порола ремнём? Нет. Это раз. А почему? Да потому что никого ты головой об пол в садике не колотил. Это два.

— Но «жирпромом» называли, — прошептал Игорь и крепко сжал зубы, так что вздулись желваки.

— «Жирпромом» называли, — согласился ангел и, помолчав, добавил: — И за нос кушали.

— Вот! — обрадованно вскрикнул мальчик.

— И что это доказывает?

— Всё!.. Всё доказывает! Я хотел ему тогда проломить башку!

— Но ведь не проломил же.

— Но ведь хотел! Очень!

Ангел с печалью посмотрел на Игоря и сказал тихим уставшим голосом:

— Ну, тогда это меняет всё дело. Значит, и палкой тоже отходил тех двоих на Ирпене.

— Может, и не отходил... — Игорь решил совсем уж ангела не обижать, ангел всё-таки.

— Но припугнул крепко!

— Я и говорю — фантазёр, — резюмировал ангел и примирительно улыбнулся. — Но про разговор с дедом — всё правда. Дед у тебя молодец.

— Да уж, — согласился мальчик и вздохнул, совсем как дед, по-стариковски: — Эх-хе-хе...

2

И Игорь вспомнил то, о чём очень хотел забыть. Но это уже было настоящей правдой...

3

МАЛЬЧИК И КОМНАТНЫЕ РАСТЕНИЯ

Мальчику было три или четыре года. Он точно не знал. Вернее, когда ему было три или четыре, он знал точно. Но потом забыл, по-

тому что потом три или четыре — не имело никакого значения. Потом значение имело двадцать или тридцать. И он знал, что скоро значение будет иметь только до сорока и после.

В общем, Мальчик был достаточно маленький, чтобы не помнить детали, и довольно большой, чтобы запоминать главное и выносить из жизненных событий уроки. Мальчика воспитывали правильно: он уважал старших, в смысле взрослых, не ябедничал и старался не плакать по пустякам, как девчонка.

Ходил мальчик в детский садик, не в простой, а в исполкомовский. Мама этим очень гордилась, потому что мама была молодая, но уже занимала положение в обществе. Она была начальница целого отдела. А папа Мальчика носил погоны и служил в штабе. И все у них было хорошо. Папа часто дежурил, а мама часто задерживалась на работе допоздна, потому что она очень любила свою работу и была ответственной начальницей. А воспитательницы очень не любили задерживаться из-за Мальчика в группе исполкомовского садика. Но каждый раз, когда мама прибежала за ним уже одетым и приготовленным к выдаче, сидящим перед своим шкафчиком в раздевалке, воспитательницы говорили маме:

— Какой у вас чудный мальчик!

Маме это очень нравилось, и она была уверена, что ее Мальчик посещает лучший садик в городе. Мама и сейчас вспоминает: «Тебя очень любили воспитатели. Ты был очень послушный мальчик». — «Конечно», — отвечает Мальчик, который уже давно не мальчик, но только не для мамы.

Мальчик не помнит лиц воспитательниц, которые его так любили. Они все остались в его памяти без лица. Зато он помнит другое... Сюжеты, события, ощущения...

Вот в их группе другой мальчик капризничает и швыряет игрушки в детей. Дети разбегаются. Воспитательница строго кричит на этого мальчика. Потом прибегают нянечка.

Потом они хватают этого мальчика, стаскивают зачем-то с него короткие штанишки и оставляют в одних чулочках, прикрепленных к пояску, на защепки, как у подтяжек. Спереди и сзади, каждый чулочек. Тогда еще не изобрели детских колготок. Непослушного мальчика трясут, как болванчика, у него мотаются руки и голова. Дети наблюдают и смеются. Мальчика ставят в угол в трусах, маечке и чулочках. Он не хочет стоять в углу и визжит во весь голос. А потом кусает воспитательницу за руку. У него уже крепкие зубы. Воспитательница тоже визжит. Они с нянечкой опять хватают кусачего мальчика, откуда-то достают полотенца, связывают его по рукам и ногам и кладут прямо на рояль, который стоит посреди группы. Дети смотрят и смеются. Связанному мальчику обидно, и он плачет. Никому его не жалко, потому что в исполкомовском садике дети из хороших семей и они знают, что взрослых надо слушаться и уважать.

Вечером мама, как всегда, приходит за мальчиком последней.

— У вас замечательный мальчик, — говорит воспитательница и гладит мальчика по светлым кудрям, а у него начинает звенеть голова от страха и непроизвольно приподнимаются плечи. — Ты что, зайчонок? — ласково спрашивает воспитательница. — Маму, наверное, заждался.

Мама улыбается, ей очень приятно, что у нее такой замечательный сын и воспитывают его такие внимательные воспитатели...

А однажды Мальчик все-таки провинился. Они бегали с ребятами по группе и играли в догонялки. И у него во рту набралась слюна, и он почему-то, сам не знает почему, подскочил к стоящему на подоконнике горшочку с какой-то комнатной ряской и плюнул в него. А одна девочка заметила, подбежала к воспитательнице и все рассказала. Она не ябедничала, она просто была дежурная и следила за порядком.

Воспитательница без лица подозвала к себе Мальчика и строго спросила:

— Ты зачем плюнул в цветок?

— Я не в цветок, я — в горшочек.

Мальчик на свою беду был развитый. Он даже умел читать по слогам и отвечал четко и правильно. В цветок он бы никогда не плюнул, это все равно что в человека. А в землю, в горшочек — это другое дело. Туда водичку наливают. А однажды он видел, как нянечка протирали подоконник и плюнула в горшок с цветком, немножко. Он ничего этого не рассказал воспитательнице, потому что она не спросила, и еще потому, что воспитательница вдруг закричала:

— Вырастили уродов! Все им в жизни задором достается. Мало того, что труд чужой не уважают, еще и умничать детей учат, начальники сраные!

Конечно, Мальчик не понял, о чем речь и почему кричит воспитательница. Но зато понял, что воспитательница почему-то рассердилась на его маму. Ему стало обидно за маму — и он выдернул руку, которую воспитательница схватила и трясла, пока выкрикивала свои обидные слова, обращаясь неизвестно к кому.

— Ах, он еще и брыкается! Придется тебя проучить. Дети, посмотрите на этого нехорошего мальчика. Он плюнул в цветок, который украшает нашу любимую группу и за которым каждый день ухаживает наша любимая нянечка. Как вы считаете, дети, надо наказать этого нехорошего мальчика?

— Надо! — радостно закричали дети, и некоторые захлопали в ладоши, как будто их звали поиграть в новую увлекательную игру.

— Все. Садись здесь, — и воспитательница поставила посреди группы детский стульчик. Мальчик послушно сел и улыбнулся. — Ты что лыбишься?

Он не знал, что такое «лыбишься», и пожал плечами. Но тут подошла нянька с полотенцами, и Мальчик испугался. Он это уже видел. Он даже не понял, как они ловко закинули ему руки за спинку стула и связали. Нянька еще спросила:

— Тебе не больно?

— Нет, — ответил Мальчик, и голос у него дрожал. Ему захотелось писать.

— Вот, дети, вот этот мальчик, который плюнул в цветок. Сейчас каждый из вас подойдет и плюнет в него, чтобы он навсегда запомнил, что не надо плевать в цветок. И так, дети, будет с каждым, кто станет поступать, как этот мальчик. Всем понятно? Построились. Начали.

Дети подбежали к нему и плевали, и отбегали, смеясь. Те, которые ждали своей очереди, прыгали и кричали: «Быстрее, быстрее!» Не все дети плевали одинаково. Некоторые дети большие делали вид — тьфу! А некоторые набирали побольше слюны, пока ждали своей очереди, и норовили попасть в лицо. А одна девочка подошла и сказала: «Я не буду. Плевать не красиво».

— Как это не будешь? — возмутилась воспитательница, освоившая азы круговой поруки еще со времен своей колхозной беспаспортной, но комсомольской молодости. — Все должны наказать этого мальчика. Кто не будет, придется посадить рядом на стульчик.

Девочка рядом сидеть не хотела. Плюнула в Мальчика и заплакала. Он ей хотел сказать: не плачь! Она ему очень нравилась. Но уже подскочил какой-то мальчик и плюнул ему прямо в глаз.

— Молодец, — похвалила воспитательница.

Исполкомовские сады не были переполнены. Детей в группе было двадцать. Но некоторые стали заходить на второй круг.

— Марвановна, а вот он уже плевал и опять встал.

— Это нехорошо. Нельзя издеваться над человеком. Наказал один раз — и хватит. Понял? — восстановила справедливость воспитательница.

Когда экзекуция закончилась, Мальчика отвязали.

— Всё понял теперь?

Он молча кивнул головой.

— Иди умойся.

И он послушно и так же молча пошел в умывальную комнату.

— Вот же гаденыш, хоть бы всплакнул! Что из него вырастет? — зашипела за спиной Мальчика воспитательница без лица.

— А все-таки жалко, — вставила слово пожилая нянька.

— Ну, ты еще рот открой! — возмутилась педагогический работник.

— Что, и меня к стулу привяжешь?

И нянька пошла помогать Мальчику умываться.

Вечером мама опять пришла поздно. Мальчика познабливало.

— Хороший у вас мальчик. Приболел, похоже, но вот ведь какой молодец, даже не жалуется, — и воспитательница прикоснулась к его голове. Может, это была другая воспитательница-сменица, но с тех пор они все стали для Мальчика без лица. Он отскочил из-под педагогической руки. — Взрослеет, — улыбнулась воспитательница.

Мама тоже улыбнулась в ответ и подумала в который раз: «Какой хороший садик!»

4

— ...Ну, и зачем ты сейчас об этом вспоминал?

— Слушай, отстань, а! — закричал Игорь на ангела и даже вскочил с табуреточки, сжав кулаки.

На окно чёрной китовой тушей навалился зимний вечер. Середина марта на Севере — это ещё полноценная зима: снег лежит плотно, сугробы в человеческий рост — ни намёка на весеннее тепло.

В комнате было темно. Только проблески огня, проникая в щели печной дверцы, создавали островок света с неровными краями. Островок этот постоянно колебался, дышал, словно море: то рос, касаясь железной спинки родительской кровати, то уменьшался так, что левая рука мальчика погружалась во мрак.

Ангел находился за чертою света. Он всё время двигался. Иногда садился на Игореву

кроватку — напротив родительской. То неожиданно взлетал под потолок.

Ангела было не различить. Просто там, где он находился, мрак был гуще, плотнее, и оттуда звучал его, ангела, голос и одновременно прямо в голове у мальчика. Как это получилось, Игорь не мог объяснить. Просто знал — вон ангел, а вот его, ангела, голос. Что тут непонятного?

Игорь разозлился — и стукот тени рассеялся, голос замолчал.

«Надо успокоиться», — сказал сам себе Игорь. Больше всего он боялся, что ангел сейчас улетит насовсем и он останется в крошечной тьме совсем один. Родители с «культпохода» вернутся за полночь. Соседка заглянет проверить, как он тут, ещё не скоро: к ней сегодня ухажёр «на чай заглянул» — не до Игоря. А попросить кого-то другого «присмотреть за ребёнком» было не с руки. Мама вообще к этому делу, к присмотру, относилась избирательно: «Или Вера. — Так звали надёжную в плане присмотра соседку. — Или никто. Один посидит — быстрее повзрослеет».

ГЛАВА 6. ТЁТЯ ВЕРА

1

— ...**В**от ты где! Вспыхнувший свет отозвался режью в глазах: Игорь невольно зажмурился.

— Уснул, что ли? — тётя Вера присела на корточки рядом и приобняла мальчика за плечи.

Игорю она нравилась, потому что была добрая и ласковая, дарила вязаные носки и конфеты. А ещё под Новый год переодевалась в Деда Мороза, ходила по всем квартирам — комнатам не только их второго, но и первого этажа, слушала детские стишки и песни и дарила заранее припасённые родителями подарки. А потом собирала всех детей

на огромной кухне, чаще на своём этаже, и водила с ними хороводы. И в дни рождений, если родители попросят, тоже «хороводила» и играла с мелюзгой. Добрая она была.

«От того, что одинокая», — сказала мама. Не Игорю, конечно, сказала, — папе, когда они уже легли спать и считалось, что ребёнок давно смотрит третий сон, укрывшись верблюжьим одеялом с головой. Родители были в этом «железно уверены».

Поговорить в постели мама была сама не своя. И хотя говорила она всё больше шёпотом, её шёпот хорошо различался в тишине. Начинала мама разговор, как всегда, с главного: «Теперь поговорим о важном. Ты меня слышишь? Не спи!» — и толкала отца в бок.

— А я и не сплю, — всхрипнув, вскидывался тот.

— Что ты орешь? — громким трагическим шёпотом возмущалась мама. — Ребёнка разбудишь!

— Кто тебе сказал, что он спит? — шептал отец.

— Я сказала, — пресекала дискуссию мать. — Не морочь голову! Мне надо с тобой поговорить о важном.

И начинала шептать, повторяя важную мысль как минимум дважды. Так что, если Игорь в первый раз расслышал плохо, во второй он уже точно усваивал всю «важную мысль» без остатка. И ему было удивительно, что, когда на следующий день за ужином мама по поводу или без повода возвращалась к сказанному вечером в постели — «помнишь, я тебе вчера говорила?» — отец удивленно распахивал и без того большие карие глаза, отрицательно мотал головой и отвечал: «Не помню».

Это было невероятно смешно, и Игорь иногда не выдерживал — прыскал со смеху, и не только из-за выражения папиного лица, но и потому, что он, в отличие от отца, ответ хорошо знал и мог повторить без запинки мамины слова, даже не слишком-то понимая, о чём идёт речь.

«А ты чего ухмыляешься!» — сердилась мать и давала Игорю лёгкий подзатыльник.

2

Тётя Вера. Ах, тётя Вера!..

Это был его первый памятный страх и первый настоящий восторг, связанный с посторонним человеком.

Не тот детский неосознанный испуг от темноты с бабайками в тёмных углах, не то «понравилось» с вымученной на детском личике улыбкой, больше похожей на оскал зверёныша, лишь бы взрослые отстали со своими домогательствами: «Тебе правда понравилось, маленький?» И «маленький» лыбится во всю белизну молочных, ещё не изношенных зубов, а внутри — пусто и тепло, не горячо, просто тепло — приятно от внимания к нему, от того, что взрослые довольны и щебечут ласковыми сюсюкающими голосами. И ты улыбаешься, обнажая клыки, даже не осознавая, что на языке диких, как, впрочем, и домашних зверей, это означает «не подходи — укушу!».

Оттого, видимо, дети от избытка нахлынувших чувств и стараются укусить. Как, впрочем, и родители во главе с бабушками-дедушками с каким-то необъяснимым звериным упоением тискают своих возлюбленных малолетних чад, повторяя как завороченные: «Я тебя съем!» — и прихватывают губами, а то и на самом деле прикусывают маленькие пальчики, пяточки, мочки нежных, почти прозрачных ушек. А дети визжат от неосознанного «всамделишного» восторга.

Но время движется, чада все больше социализируются, их поведение обрастает правилами, состоящими из «можно» и «нельзя». Волшебные слова — это только прелюдия, замануха во взрослый мир лжи и притворства. Не пройдёт и четырех лет с твоего первого естественного «уа!», а ты уже усвоил, что мало сказать незнакомому скучному дядьке просто «спасибо» за дежурную шоколадку. Надо ещё попробовать и продемонстрировать на лице

блаженную улыбку удовольствия и сказать с набитым ртом: «Очень вкусно!»

— Тебе правда понравилось, маленький?

— Очень! Спасибо, мамочка! — и скалишься. При этом тебе уже почти семь, и ты терпеть ненавидишь горький шоколад, предпочитаая леденцы и мороженое. Но леденцы — это «голимый сахар, от которого портятся зубы», а мороженого тебе вообще нельзя, потому что у тебя «бесконечная ангина». Так сказала мама, и ты довольствуешься одним кубиком шоколада в день. Во-первых, потому что шоколад полезнее, во-вторых, потому что «много сладкого нельзя». Ну, и, наконец, потому что это «слишком дорогая роскошь — жрать шоколадку целиком». Так говорит мама и демонстративно вырывает из рук отца шоколад, который тот как раз обожает со времен голодного военного и послевоенного детства и готов поглощать килограммами.

Ты растешь смышлёным ребенком и выпрашиваешь у мамы «ещё кусочек», произнося волшебное «было очень вкусно» и заученно улыбаясь. Материнское сердце тает, и она, тоже не вкусившая вдоволь сладкого в детстве, умиляясь на любимое чадо, даёт тебе ещё плитку, даже две. А ты улучаешь момент и, пока мама не видит, отдаешь свою сладкую добычу отцу. На лице отца появляется какое-то сморщенно-плачущее выражение. Он прижимает тебя к себе, шмыгает носом и срывающимся, едва уловимым шёпотом щекочет твоё ухо: «Спасибо, родной!» В эти секунды твое сердце на самом деле замирает от восторга и тысячи иголочек покалывают кончики пальцев. Вот так бы стоял и стоял целую вечность, прижавшись к отцу!

Так бы стоял и стоял... Папа, слышишь?..

3

Тётю Веру Игорь впервые по-настоящему испугался в два года. Она совершала тради-

ционный новогодний обход квартир с детьми в костюме Деда Мороза с бородой и усами на резинке, с наклеенными ватными бровями и напомаженным ярко-красным носом, в подпоясанном кушаком атласном кафтане, в шапке такого же цвета, отороченной понизу широкой ватно-марлевой полосой, в черных — других не было — валенках. На руках у «Деда Мороза» — огромные меховые бежевого цвета рукавицы и посох — толстая сучковатая палка, обмотанная серебряным ёлочным дождём.

Игорь видит всё это незнакомое огромное и красочное великолепие и замирает посреди комнаты, задрвав голову с широко открытыми, готовыми пролиться глазами. А «Дед Мороз» вдобавок ко всему рокошет грубым и строгим голосом, ну совсем как нянечка в их младшей группе:

— А где здесь мальчик Игорь? Не хочет ли он рассказать стишок для Деда Мороза или спеть песенку?

Игорь не выдерживает напряжения, поворачивается к «Деду Морозу» тылом и опрометью, насколько это можно сделать на четвереньках, несётся под большой обеденный стол у окна, накрытый скатертью со свисающими кистями. Кисти сплетены в косички, совсем как у девочек в садике, только синие, как поздний вечер зимой.

Когда они едят за столом, мама убирает скатерть, чтобы «не заляпали неряхи», — это относится исключительно к нему с папой. А в остальное время стол покрывается скатертью «как в приличном доме». Сверху ставится единственная хрустальная толстенная ваза, подаренная папой маме на день рождения. В вазе ядовито-синими, красными и жёлтыми пятнами красуется на всеобщее обозрение букет искусственных цветов. В общем, «дорого-богато — есть на шо посмотреть», как говорит баба Геня⁶, мамина мама, приезжая на Север не столько погостить, сколько понянчиться с ребёнком.

И вот под эту что ни на есть красоту, тёмно-синими толстыми кистями-бахромой спускающуюся чуть не до самого пола, Игорь прячется от «Деда Мороза»: чур меня, я в домике! Сердце в груди бешено колотится одновременно от страха и восторга. Ему хочется смотреть на «Деда Мороза», дотронуться до него. И в то же время он боится... по-настоящему боится, что «Дед Мороз» заграбастает его в могучие объятия и заберёт с собой.

А «Дед Мороз» присел на корточки возле стола, снял рукавицы, развел кисти скатерти, заглянул «в домик» и тихо сказал тёплым, знакомым тёти-Вериным голосом:

— Ты что, испугался, Игорёк?

— Нет, — почему-то зашептал в ответ Игорь.

— Ну и правильно, — «Дед Мороз» тоже перешёл на шепот, достал откуда-то карамельку в цветном фантике и протянул на ладони. — Это тебе от Деда Мороза.

— Спасибо. — Игорь взял конфетку.

Ладонь у Деда Мороза была тёплая и мягкая. И Игорь всем своим маленьким личиком с мокрыми от набежавших слез глазами доверчиво уткнулся в эту ладонь.

— Маленький ты мой, — зашептал Дед Мороз — тётя Вера и стал другой рукой гладить Игоря по кудрявой голове.

— Что вы там замерли? — — раздался откуда-то сверху возбужденный мамин голос.

Ей было досадно, что её воспитанный и такой смышлённый мальчик не продемонстрировал весь свой ум и воспитание — не встал и не прочитал красиво длиннущее стихотворение про Дедушку Мороза, который «с дозором обходит владенья свои». Стихотворение это не под силу выучить наизусть и прочитать без запинки и с выражением даже детям из старшей группы! А её двухлетний сын, её первенец, материнская гордость — может.

Но сын — материнская гордость — даже в младенчестве не слишком-то увлекавшийся ползанием на четвереньках, ни с того ни

⁶ Геня — сокр. от имени Гинда.

с сего вместо декламации перепугался как маленький и вдобавок продемонстрировал этот постыдный навык недоразвитых детей, образованием которых денно и ночью не занимаются родители, не считаясь со временем и загруженностью на работе.

— Он мне читает стихи... шёпотом, — ответила тётя Вера — Дед Мороз, продолжая сидеть на корточках и не оборачиваясь.

Игорь поднял лицо, увидел в глазах «Деда Мороза» лучистую улыбку и тоже улыбнулся в ответ. Неожиданно для себя он опять припал к тётю-Вериной теплой ладони, на этот раз сухими губами, и... поцеловал. А «Дед Мороз» шмыгнул носом... совсем как папа.

ГЛАВА 7. КРОВАТЬ И ТРИ ПОДУШКИ

1

Стого памятного года мама стала оставлять Игоря на тётю Веру, тем более что мальчик вырос не по дням, а по часам, и постоянно приглашать из теплого Киева в холодный Архангельск в няньки по очереди то одну, то другую бабушку необходимость отпала.

Игорь всё чаще пропадал в комнатёнке у тётю Веры. Гонял с ней чай из настоящего — тульского, между прочим! — самовара, за круглым столом посреди комнаты. Стол был накрыт красивой зелёной скатертью с большими ярко-алыми розами и такой же длинной, густой бахромой, как у маминой скатерти. Только, в отличие от мамы, тётя Вера не убирала «эту красоту» и не боялась, что Игорь её залапает.

Поначалу в гостях у тётю Веры Игорь не различал окружающие детали. Но со временем разглядывание интерьера превратилось в настоящую увлекательную игру. Он пил чай, аккуратно наливал в глубокое блюдце и мочил в нём сушки, как научила тётя Вера, и задавал вопросы: «Это что?»

— Это кровать, — серьёзно объясняла тётя Вера.

Кровать была железная, с никелированными спинками, как у родителей. На уголки спинок были надеты резные шары. Игорь знал, что шары можно было скручивать. Однажды, став старше и постигая мир через «руками — и в рот», Игорь забрался на родительскую кровать и попытался оторвать блестящие шары.

— Не трогай! — как коршун налетела сзади мать, подхватила его под мышки, сорвала с кровати и опустила на пол.

Это было обидно. Игорь насунился и уполз в свой угол с игрушками, уселся спиной к остальному миру, не глядя взял в руки первую попавшуюся игрушку — ею, как всегда, оказался зелёный плюшевый друг медвежонок — и стал, сопя, что есть силы дёргать беднягу то за маленькие ушки, то за лапы.

— Ну, ты посмотри, что делает! Он ещё и обиделся, — возмущалась мать за его спиной, намереваясь вырвать из рук сына теперь уже медвежонок.

— Отстань от ребёнка, — сказал отец.

В ответ мать зашипела, как закипающий чайник на керосинке:

— У тебя есть другие слова, Дэва? — отца звали Давид, но мама почему-то его называла Дэва, когда сердилась, и Дэвик, когда была в хорошем расположении духа.

— Есть, — ответил папа, — уйди.

Мама всплеснула руками:

— Очень смешно! Такой же, как твой отец: на всё отмалчиваться, когда надо что-то сказать по делу. Зато хохму глупую сморозить — здрасьте, пожалуйста!

— У тебя всё? — не повышая голоса, спросил папа.

— Тьфу на тебя! — крикнула мать, но в её голосе уже не было ни гнева, ни злости. Совсем как у бабушки Ривы, шумящей на деда. — Занимайся своим сыном сам, раз такой умный. А я пошла вам, шутникам, щи варить.

И мама, сняв с гвоздя у двери большой цветастый передник, ушла на общую кухню.

— Подойди ко мне, — тихо позвал папа. Игорь оставил медвежонка в покое и подошёл. Папа подхватил мальчика под мышки, и Игорь совершил обратный перелёт на кровать.

Папа поставил его у спинки сказал:

— Смотри, — открутил один никелированный шар и дал Игорю: — А теперь попробуй надеть.

2

Так что про железную кровать Игорь знал всё: больше на ней ничего не откручивалось.

Зато три взбитые белоснежные подушки, одна другой меньше, уложенные друг на друга на кровати тёти Веры, вызвали у Игоря неподдельный интерес. Он уже умел считать и знал, что папа плюс мама — будет два, и подушек на их кровати тоже было две.

— Зачем три подушки? — спросил он у тёти Веры.

— Для красоты, — ответила та. — Смотри, правда похоже на снеговика? Надо только в верхнюю подушку морковку воткнуть и черные пуговицы вместо глаз пришить.

Игорь удивленно посмотрел на тётю Веру и серьёзным голосом сказал:

— А я думал — для гостей.

Тётя Вера не удержалась и прыснула со смеху:

— Куда ж мне их, на одну кровать, что ли, укладывать?

— А вы раскладушку у нас можете попросить, — ничуть не смутившись, ответил Игорь.

У них в доме имелась раскладушка. На памяти Игоря её использовали однажды, когда у них одновременно жили две бабушки. Остальное время раскладушка стояла в каморке у входа, где за ситцевой занавесочкой разместились кухонные причиндалы: электроплитка на тумбочке, домашняя утварь и запасы для еды, мытья и стирки.

Тётя Вера постаралась ответить так же серьёзно:

— Спасибо, обязательно воспользуюсь твоим предложением, — и встала из-за стола вроде как поправить кружевные салфеточки на комод. Но Игорь успел заметить улыбку на её лице.

А через три дня тётя Вера постучалась к ним и, стоя на пороге, смущаясь, попросила:

— Игорь говорил, у вас раскладушка есть. Не могли бы вы её мне одолжить на пару ночей: ко мне родственница из деревни приехала.

Игорь уже лежал в постели, но всё слышал. Сердце бешено колотилось: он боялся, что мама ответит, что нет у них никакой раскладушки, а потом ещё и отругает Игоря за болтливость. Но мама сказала: «Конечно, Верочка! Пожалуйста». А когда тётя Вера ушла, мама зашла в спальню, подошла к Игорю и ласково потрепала его по тёмным кудрям.

3

Удача с раскладушкой вдохновила Игоря.

И однажды за семейным воскресным завтраком, состоящим из варёной картошки и вываренной солёной трески, он с набитым ртом как бы между прочим сказал:

— У тёти Веры нет шелешона.

— Чего нет у тёти Веры? — переспросила мама.

Игорь проглотил непрожёванную пищу и повторил:

— Телефона.

Мама швырнула вилку на стол, выпрямилась и, многообещающе сузив глаза, стала смотреть на отца. Тот, продолжая жевать, нечленораздельно, так же, как сын, произнёс:

— Говори уже, Элла, не томи.

Получилось: «Оои уе эа, еои». Но мама прекрасно поняла и ледяным, как папа говорил, «холодильным», голосом изрекла:

— У тётки Веры теперь ещё и телефона нет!

Отец тяжело вздохнул и, понимая, что разговора не избежать, а выходной длинный и у него сегодня нет дежурства в штабе, хорошо прожевав остатки пищи, тоже отложил вилку и посмотрел в серо-зелёные глаза супруги.

Он хорошо знал мать своего сына: если она начинала с пол-оборота заводиться и возражать, это означало, что в глубине души она не просто согласна, а считает «поднятый вопрос справедливым». Это вообще-то её фразочка, принесённая в домашний обиход с работы...

4

Быстро сделав карьеру в Архангельске, она не полных тридцати лет стала начальником отдела труда и заработной платы областного управления связи. По тем временам это была крутая должность. По сути дела нормирование труда и размер заработка многочисленного коллектива северных связистов, от почтальонов и телефонисток до монтёров и водителей, находились в руках «девочек Эллы Моисеевны».

Это был самый технически оснащённый отдел в управлении, но счёты на рабочих столах никто не отменял, считая их наиболее надёжными инструментами для вычислений. Счётные машинки постоянно выходили из строя, и весёлый стук костяшек наполнял музыкой отдел труда и заработной платы. В конце года эта «счётная симфония» царила на всём их этаже, где также находились бухгалтерия и материально-эксплуатационная служба. Это была горячая пора: всё управление задерживалось на работе допоздна. Служащие, не разгибаясь, корпели над бумагами и цифрами в помещениях с закупоренными на зиму окнами. За день в кабинетах становилось невыносимо жарко и душно. Приоткрытые форточки не спасали, а на полноценное проветривание попросту не было времени. Даже на обед отделы не уходили полным составом, как в обычное время: в отчётный

период обедали по очереди или на рабочих местах, не прекращая свободной рукой перебрасывать костяшки счётов. Поэтому к концу дня двери большинства кабинетов были открыты, а в коридоре настезь распахивалось окно, и бледно-серые от бесконечной бумажной работы служащие судорожно вдыхали дозированные наплывы свежего морозного воздуха. По вымороженному коридору в туалет или по делам с кипой бумаг под мышкой приходилось передвигаться исключительно бегом, предварительно накинув на плечи «что-нибудь потеплее». Маму, которой чаще других в такие дни приходилось бегать в кабинет начальника управления, «что-нибудь потеплее» не спасало, и она начинала покашливать и шмыгать носом. Вечерами папа ставил ей на спину банки и поил молоком с содой и бараньим жиром. «Это гадость!» — протестовала мама, совсем как маленькая.

— Ну, Элла! — спрашивал её отец. — Будь примером для ребёнка.

— Сам «будь примером», — и мама отодвигала рукой протянутый стакан с молоком.

Папа беспрекословно, не морщась, выпивал противный напиток, кричал со вкусом и говорил:

— Вот. Теперь твоя очередь, — и наливал очередную порцию «вкусного — бр-р-р! — лекарства».

Маме приходилось смиряться. Но оставаться в одиночестве ей не хотелось, и она говорила:

— Тебе не кажется, что Игорёк тоже хрипит. Проверь-ка у него горлышко.

Взрослея, Игорь усвоил, что ему всё равно не отвертеться, и поэтому предпочитал не допускать лишних неприятных ощущений, как то прижимание железным шпателем языка. (Всё, что касалось лечения, в их доме считалось предметами первой необходимости и всегда было под рукой.)

— Не надо лазать в горло, — говорил Игорь. — Я так выпью, — и присоединялся к родителям.

— Ну, вот и поужинали, — подводила итог мама.

Они переглядывались и — смеялись. А что ещё оставалось?

5

— У тёти Веры нет телефона, — повторил Игорь за семейным воскресным завтраком.

Мама швырнула вилку на стол...

Через месяц у тёти Веры появился спаренный с ними номер. Это когда два телефонных номера на одном канале связи — пояснила мама. Теперь, когда говорила тётя Вера, трубка в их телефоне отвечала глубокой тишиной — ни гудочка. И, соответственно, позвонить они не могли. А когда мама или папа разговаривали по телефону, то молчала телефонная трубка у тёти Веры.

Впрочем, поскольку ни мама с папой, ни тётя Вера болтливостью не отличались, спаренный телефон никому не мешал. Зато тётя Вера стала оставаться с Игорем с большей охотой и даже предлагала сама:

— Сегодня праздник. Не хотите в гости сходить? Если там есть телефон, всегда сможете позвонить и справиться, как у нас дела.

ГЛАВА 8.

СЪЕХАТЬ С ГОРКИ НА НОГАХ...

1

... Стётей Верой можно было разговаривать обо всём. С мамой — нет. Он терялся под маминым строгим начальственным взглядом и начинал подбирать слова.

Во многом этому способствовал папа, к случаю и не случаю повторяя: «Слушайся маму». И он слушался — и подбирал слова. В конце концов он научился не всё рассказывать матери. А заодно и папе, памятуя о том, что наступит вечер, они улягутся в постель и мама, как обычно полагая, что мальчик уже спит и видит третий сон, учинит отцу допрос

громким шёпотом, а тот обязательно всё расскажет про мальчика, про его обиды и ещё спросит:

— Что будем делать, Элла?

2

Когда Игорю уже было «крепко четыре года» (фраза бабушки Гени, которая мамина мама: «Тебе уже крепко четыре, а ты всё ещё келбэле⁷, бестолочь!»), у него случилась в садике очередная неприятность: он понял, что боится кататься с горки на ногах. Зимой на садичной площадке невысокую деревянную горку заливали горячей водой, и она превращалась в скользанку. Горка была центром притяжения во время прогулок: все, от младших до подготовишек, обожали с визгом съехать с неё. Горка была одна на весь садик, и воспитательницы следили за очередностью:

— Вот сейчас малыши покатаются, а потом вы, — и средняя группа, особенно мальчишки, делали вид, что увлечены какой-то никому не нужной игрой на веранде. А на самом деле с нетерпением ждали, когда эти бестолковые трёхлетки уже навизжатся и освободят место для взрослых ребят.

Наконец раздавалась команда: «Кто хочет на горку? Построиться!»

Все двадцать человек срывались с места, норовя оказаться первым. Игорь по причине неловкости, как физической, так и внутренней, никогда не нёсся сломя голову. Он неспешно подходил к общему гвалту и кипишу, словно ему было всё равно, каким в очереди он окажется. Взрослые расценивали это как рассудительность и сдержанность. Откуда им было знать, что в эти моменты творилось на душе у мальчика? А там всё кипело и клокотало. И ему стоило немалых усилий не подавать виду и не шмякнуть шустрого В. по башке за то, что тот оттолкнул его, чтобы оказаться впереди. А заодно накостылять и крикливому Н., который сейчас гогочет как ненор-

⁷ Келбэле — телёнок.

мальный, тыча в него пальцем: «Жирпром! Не успел, не успел!» Хорошо бы ещё в воспитательницу запустить снежком, лучше прямо в рот, чтобы больше не устраивала этот цирк. (А это уже другая бабушка, которая папина мама: «И что они за цирк устраивают с этими очередями за белым хлебом? На первый второй рассчитайся! Это что — крематорий?»)»

Игорь не был злобным, отнюдь. Просто живость ума для него была заменой неповоротливости по жизни. Впрочем, может, и наоборот: неповоротливость была следствием того, что, пока тело поворачивалось в заданном направлении, в его голове уже всё случилось сто раз — и сердце колотилось так, будто он на самом деле испытал и пережил то, что только ещё собирался сделать.

Так что в неспешном приближении к общему «шалману» скрывалась ещё и боязнь сорваться, поддаться бешеным мыслям и «совершить предначертанное»: накостылять В. и Н. и залепить воспитательнице снежком в её «громкоговоритель». (И опять вспоминалась баба Геня: «Элла! Уже выключи свой «громкоговоритель»: я поняла с первого раза, во сколько надо ребёнка забрать из детского сада. А если боишься, что я дура и ничего не запомню, то можешь его вообще туда не водить. Всё равно там ничему хорошему не научат».)

Между тем воспитательница в назидание расшалившимся детям выдернула Игоря за руку и поставила впереди очереди на горку: «Будешь первым».

Игорю это не понравилось: он не любил быть первым ни в играх, ни в шалостях. Не то чтобы боялся: просто не любил, когда ему спину сверлили десятки глаз. А первый — он всегда на виду. С годами этот вовсе не недостаток, а мудрая не по возрасту осторожность, продиктованная флегматичностью характера, сотрётся, вовсе исчезнет. Напротив, он начнёт рваться вперёд, что называется, напрашиваться на неприязнь, зуботычину, выговор. Откуда-то из всех щелей, как будто от перекипевшей воды, с шипением и даже сви-

стом станет вырываться из него пар, как из скороварки. Холерик в чистом виде, да ещё и с сорванными тормозами. Таким он ворвётся в свою юность: натворит дел, наломает дров.

Но всё это будет потом. А тогда на Севере, в привычном и оттого любимом Архангельске он был хорошо упитанным, неповоротливым и излишне рассудительным мальчиком с крепкими еврейскими корнями, о которых всегда помнили его родители, а он ничего не знал, да и незачем. Здесь был знакомый ему мир радостей и забот — больше чем близкий — родной, в котором робя со двора, ребята из садичной группы, родители, бабушки с дедом и их своеобразным говором, тётя Вера, Ванька-полушка и все-все соседи из дома на Валявкина, и даже «воспитательницы без лица» были своими, как говорится, одним миром мазаны.

Поэтому вёл себя маленький Игорь исходя исключительно из внутренней predispositionности и природной на ту пору лояльности по отношению к «своим». Возможно, это пришло из родовых глубин от того же деда, который любил повторять как заклинание: «С соседями надо жить в мире». Отец интерпретировал это на свой лад: «С соседями не ругаются». И даже резкая, шустрая и не слишком сердобольная баба Геня рассказывала: «Здесь люди хорошие: при мне грязь называют «блота»⁸ из уважения». На что мама всплёскивала руками: «Мама, не говори ерунды! Они говорят «болото». Так мы на болоте и живём». В ответ баба Геня возмущалась: «Много ты понимаешь, Элка! Хоть и отличница, а разобрать, где просто говорят, а где уважение выказывают, не можешь. Хорошие здесь люди. И не спорь!»

3

...Игорь безропотно, но хмуро и молча встал впереди тут же обозлившегося на него

⁸ Блота — грязь.

строю одногодок. «Вот жидёнок! Хоть бы спасибо сказал», — так, чтобы не услышали остальные, прошипела ему в спину воспитательница. О чём она говорит, Игорь не очень понял и тут же забыл. Вернее, память забросила услышанное в тёмные затхлые закрома, чтобы потом он, повзрослевший и поумневший, набравшийся опыта, мог доставать эти окаменевшие словесные испражнения и оценивать их как археологические находки, исключительно с точки зрения исторических артефактов, принадлежащих времени и месту и не вызывающих никаких других эмоций, кроме любопытства.

Чувствуя на себе неприязненные взгляды, Игорь суетливо поднялся на горку и без особой радости съехал на пятой точке.

— Ха-ха! Смотри как надо, жирпром! — раздался сверху озорной крик.

Подняв голову, Игорь увидел, как Н. на ногах, обутых в подшитые катанки, ловко съехал с горки. Следом таким же макаром спустился В.

Скатившись, ребята подбежали к Игорю и, толкая его, сказали: «Можешь так?» Игорь пожал плечами, но ответил: «Могу».

Между тем к ним подскочила скатившаяся с горки Оля.

Четыре года не тот возраст, когда разбираешься в своих чувствах. И слава богу: всему свой час! Однако родители всякий раз норовят помешать Всевышнему делать своё неспешное дело: им, видишь ли, некогда, им хочется, чтобы дети побыстрее выросли. И они торопятся и торопят время, подстрекая детей на преждевременное взросление глупыми вопросами. Это потом они станут вздыхать и сетовать: «Малые детки — маленькие бедки». А сейчас, едва ребёнок начинает, приходя из садика, не отмалчиваться по причине малого словарного запаса, а болтать напропалую о том, что случилось за день, родители с жаром допытываются: «А кто тебе нравится?» И когда ребёнок называет особь противоположного пола, умиляются. А особо ретивые

провокаторы ещё и вопрошают: «Ты когда вырастешь, будешь с О. дружить?» — «Мы поженимся», — отвечает ребёнок. И счастливые родители студнем на июльском солнце растекаются от счастья.

Таким образом, благодаря маминой настойчивости Игорь знал, что Оля ему нравится и что он, как честный четырёхлетка, «должен на ней жениться», когда вырастет. Поэтому, когда Оля подбежала к ним и, хлопая в ладоши и визжа, стала кричать чуть не в лицо В. и Н., как они «красиво катаются на ногах с горки» и что она хочет, чтобы они её «тоже так научили», Игорь понял: у него не осталось другого выбора, кроме как съехать с горки на ногах. И как только он это решил для себя, сердце начало предательски стучать, каждым «тук» отдаваясь в висках так, что он боялся, что услышат другие.

Когда Игорь второй раз поднялся на горку, грудь уже просто разрывало от грохота, он задыхался, на лбу выступила испарина, в глазах потемнело. Он как замороженный стоял наверху и смотрел на казавшийся невероятно крутым ледяной спуск вниз.

— Что замер? Ты не один! — раздался откуда-то снизу раздражённый окрик воспитательницы. («Как из преисподней», — сказала бы бабушка Рива, знавшая много умных слов.)

Игорь зажмурился что есть мочи, сделал полшажка к самому краю и... плюхнувшись на попу, съехал с треклятой горки.

Это был полный... конец. В. и Н. ржали так, что воспитательнице даже пришлось их одёрнуть.

Хорошо ещё, что по третьему разу за прогулку их группа скатиться с горки не успевала.

4

В этот день Игоря из садика забирал папа на штабном «газике», который почему-то называли «козлом». Папа пересел назад, притянул сына к себе, обнял за плечи. Мальчик

прижался к отцу, чувствуя сквозь сто зимних одёжек родное тепло, и вдруг расплакался как маленький.

— Ты чего? — расстроился отец. В отличие от матери, он никогда не выпытывал у сына, как дела: захочет — расскажет сам.

— Я... я... не... умею кататься... на ногах с горки! А-а-а-а!.. — захлёбываясь слезами, сообщил отцу Игорь и зарыдал пуще прежнего.

На удивление, отец отнесся к проблеме вполне серьёзно.

— Сначала успокойся и обсудим, — сказал он.

Засунув руку за пазуху, папа извлёк оттуда крахмально-белый носовой платок, обтер заплаканное лицо сына, поднёс платок к покрасневшему носу и скомандовал:

— Сморкайся!

Игорь послушно и усердно дунул через ноздри два раза.

— Молодец, — сказал отец, убирая платок. — Теперь рассказывай без истерики.

— Я не могу кататься на ногах с горки, — повторил мальчик уже спокойно.

— Это я уже слышал. Почему не можешь?

Игорь опустил глаза.

— Только честно, — настаивал отец.

— Боюсь, — прошептал мальчик.

Штабной «козлик» гудел и дребезжал, заглушая слова. Но папа не стал переспрашивать: он догадался, что сказал сын.

— Значит, можешь ты или не можешь кататься с горки, на самом деле ты не знаешь?

— Не знаю, — согласился мальчик.

— Ну, тогда надо узнать.

— Как?

— Скатиться с горки на ногах.

— Но я боюсь!

— А кто у вас в садике не боится?

— Н. и В.

— Остальные, выходит, тоже боятся.

Игорь задумался: похоже, отец был прав.

— Значит, вас больше. Придёт время — все будете кататься с горки, как Н. и В.

— Когда придёт?

— Не знаю, — пожал плечами отец. — Может, завтра. Может, через месяц. Когда надо будет. А пока и на попе можно хорошо с горки съезжать. Я ведь до армии тоже с парашютом из самолёта не прыгал.

— Почему? — спросил Игорь.

— Не надо было. А в армии всех на самолёт загрузили, в небо подняли: хочешь на землю спуститься — прыгай. Вот и прыгали.

— Все?

— Все.

— Ты боялся?

— Конечно. Все поначалу боятся. Только у дураков страха нет.

— Кто так говорит?

— Дед твой.

Игорь вздохнул, прикрыл глаза и представил себе, как папа в военной форме с пистолетом в руке стоит посреди садичной площадки и командует:

— Мальчики, построились! К горке — бегом! Слушай мою команду: по одному с горки на ногах — марш!

И все стали съезжать один за другим. И Игорь тоже.

Вот бы папа пришёл к ним в садик! Но он понимал, что ничего такого не случится.

— Мне надо сейчас, — угрюмо произнёс Игорь.

— Что «сейчас»? Писать? — мальчик молчал, и отец решил, что разговор давно закончен.

— С горки — на ногах. Надо сейчас научиться.

— Так за чем дело стало? Завтра и научишься.

— Но я боюсь! — чуть не закричал Игорь и сжал кулаки. На глазах снова выступили слёзы.

— Тогда зачем тебе надо? — удивился отец.

— Потому что... потому что... Оля сказала, что ей нравится, как они едут на ногах.

Отец внимательно посмотрел на сына и сказал:

— Это меняет всё дело. Значит, надо научиться.

— Надо, — согласился Игорь.

— До воскресенья подождёт?

Игорь ещё не усвоил хорошо дни недели. Но про воскресенье знал, что это выходной.

— А когда будет воскресенье?

— Через пять дней, — бодро ответил папа и подмигнул сыну. — Не бойсь, прорвёмся. Научу так кататься на ногах с горки, что все Оли твои будут.

Игорь уже умел считать до десяти. Пять — это означало все пальцы на одной руке, а ещё — пять раз сходить в садик и столько же выйти на прогулку с обязательным катанием с горки и позором. Если бы он был взрослым, то почувствовал бы безысходную тоску. А так — просто слева в груди стало холодно-холодно, и оттого озноб побежал по всему телу.

Отец, заметив, что сын весь дрожит, попытался его сильнее прижать к себе. Но мальчик упёрся в отцовский бок обеими ручонками и отодвинулся.

5

Вечером папа, лёжа в постели, обо всём рассказал маме:

— ...Элла, что будем делать?

— Разберёмся, — ответила мама.

Игорь решил, что больше отцу он тоже ничего рассказывать не будет. Никогда.

Утром по дороге на трамвайную остановку мама завела разговор о катании с горки на ногах:

— Нашёл из-за чего расстраиваться! А Олю, если хочешь, мы в гости пригласим, и ей будет всё равно, умеешь ты кататься на ногах с горки или не умеешь, если она, конечно, умная девочка. Хочешь?

— Не хочу, — буркнул Игорь.

— Почему?

Подобный вопрос даже взрослого ставит в тупик, что уж говорить о ребёнке. Игорь молча семенил по снегу, скрипя валеночками. На улице стоял хороший январский день с крепеньким, без перебора морозцем. Рот и нос

мальчика не были замотаны серым вязаным шарфом, и можно было нормально дышать.

— Почему? Ведь она тебе нравится, — мама повторила вопрос с уточнением.

— Больше не нравится, — ответил Игорь.

— Ну и хорошо, — как-то слишком торопливо отреагировала мама, обрадовавшись столь быстрому разрешению проблемы. Вечером она обязательно поговорит на этот счёт с мужем: «Вечно ты из мухи делаешь слона!» А про себя подумала: сколько ещё у её сына этих Оль будет! Из-за этой надо на ногах с горки съехать, другая на дерево залезть прикажет, третья вообще такую гадость придумает, что... И её аж передёрнуло от одной только мысли, в какую беду может вовлечь её ребёнка женское коварство. Ей ли не знать! И что, теперь из-за каждой юбки на рожон лезть? Пусть с детства учится игнорировать. Главное, чтобы мамины советы мимо ушей не пропускать. И она крепче сжала в своей руке ручку сына, спрятанную в варежке, связанной соседкой Верой.

На остановке, пока ждали трамвай, к маме подошла знакомая с работы, и они о чём-то весело защебетали. Мама не отпустила руку Игоря, и он был вынужден стоять рядом, наблюдая, как они смеются и умильно поглядывают на него.

— Мой тоже был в садике таким впечатлительным. Ничего, в школе всё быстро прошло, — последнюю фразу маминой знакомой заглушил дребезжащий звонок трамвая, подъезжающего к остановке.

6

Во время прогулки кататься с горки Игорь не пошёл. Но у воспитательницы, видимо, было особое расположение духа:

— Ты чего это в стороне встал? У нас все с горки катаются. А если заболел, сейчас в группу отведу.

Сжав зубы, Игорь стал «как все» и съехал с горки на пятой точке два раза.

В. и Н. опять смеялись. Но хуже всего, что смеялась и Оля. Хотя они её на ногах кататься не научили, и она ездила на попе. Кроме этих двоих, сидя с горки съезжала вся остальная группа. Но смеялись только над ним. До воскресенья оставалось четыре дня.

7

Придя из садика, Игорь разделся и сказал:

— Я пойду к тётё Вере пить чай.

— Это что ещё за новости! — возмутилась мама.

— Отстань от ребёнка! Пусть ходит в гости, — поддержал сына папа.

— Вечно ты ему потакаешь! — мама приготовилась произнести уничижительную речь по поводу отсутствия мужского воспитания в их доме.

Игорь переминался с ноги на ногу:

— Так я пойду?

— Иди! — хором крикнули на него оба родителя и, больше не обращая внимания на сына, с упоением и на повышенных продолжали домашнюю дискуссию по поводу правильного воспитания ребёнка. (Как сказала бы бабушка Рива: «Дети, не ругайтесь: у вас ещё будет столько поводов для этого!»)

Не дожидаясь повторного приглашения, Игорь выскочил за дверь.

Тётя Вера словно ждала его:

— Проходи. Самовар как раз закипел. У меня сегодня брусничка толчёная с сахаром. Будешь?

Игорь кивнул.

За столом тётя Вера внимательно наблюдала, как мальчик угрюмо пьёт чай, не сёрбая, как учили, отхлёбывает из блюдца, набирает из вазочки бруснику на самом кончике чайной ложки и проглатывает со скорбным выражением лица.

— А ну-ка, рассказывай, что стряслось.

Игорь словно ждал этого вопроса. Отодвинул блюдце и, болтая ногами на высоком стуле, рассказал всё тётё Вере — и про горку,

и про двух насмешников, и про папино воскресенье. Только про Олю ничего рассказывать не стал.

— Обещанного три года ждут, — почему-то сказала тётя Вера. А потом встала из-за стола: — Ну, вот что, ты тут погрузи один немного, чайку попей — вот добавила кипяточку. Ещё и сушечку погрызи — вкусная, свежая, сегодня куплена. А я на пять минут отлучусь, ладно?

Тётя Вера вернулась быстрее.

— В общем, я тут с твоими родителями договорилась: у меня время есть, и я могу тебя из садика пораньше забрать, в гости к моей крёстной ходим. Она как раз в центре живёт. Хорошая старушка. У неё завтра день рождения — она шанежек напечёт. Любишь шанежки с картошкой?

— Люблю! — обрадованно закивал головой Игорь.

— Вот и славно. У вас когда прогулка — до обеда или после?

— До обеда.

— Тогда я тебя с прогулки и заберу.

8

На следующий день тётя Вера пришла за ним, как только все оделись на прогулку. Её в садике знали: она не первый раз забирала мальчика, когда родители задерживались на работе допоздна.

— Что так рано? — спросила воспитательница.

— Позже я не могу, — ответила тётя Вера резко, но убедительно.

Воспитательница поняла правильно: не твоё дело. Больше вопросов задавать не стала.

— Давай-ка, Игорёк, заглянем с тобой в продуктовый и посудный — здесь недалеко. Надо ж крёстной конфеток и подарочек купить.

В продуктовом тётя Вера купила немножко «Мишек на Севере» и леденцы, почему-то спросив у Игоря: «Ты какие конфеты больше

любишь, шоколадные или сосучие?» Игорь ответил, что любые.

В посудном тётя Вера тоже советовалась с Игорем: какую из двух чайных пар — чашка и блюдце — с синим или с красным цветком лучше подарить? Вместе решили, что лучше с красным.

Когда вышли из магазина, тётя Вера сказала:

— Пойдём посмотрим, ушли ваши с прогулки?

И они пошли обратно к садику. На площадке никого не было. У Игоря в животе заурчало.

— Сейчас обед, — сказал мальчик.

— Ну, так и у нас с тобой скоро обед будет: здесь недалеко, — успокоила его тётя Вера. И вдруг спросила: — Хочешь на ногах с горки научиться ездить?

От неожиданности Игорь потерял голос и прохрипел:

— Хочу.

— Так пошли. Чего стоишь?

И они вошли на детскую площадку. Цветную матерчатую сумку с подарками тётя Вера оставила на веранде на скамейке и подтолкнула Игоря к горке:

— Давай, дружок.

— Я боюсь, — замямлил Игорь.

— А чего тут бояться? — удивилась тётя Вера.

— Никто ж не смотрит. Ну, упадёшь пару раз, так опять же так надёван, что не ушибёшься. Ты главное носом вперёд не ныряй.

Игорь представил себе, как это «нырять носом», и рассмеялся:

— Носом ныряй! Ха-ха-ха!..

Тётя Вера тоже засмеялась звонко и весело.

Не переставая смеяться, Игорь забрался на горку, выставил правую ногу вперёд и... Только внизу он понял, что прямо сейчас, вот только что он съехал с горки на ногах. Незыблемый восторг переполнял его. Ему захотелось закричать, он даже набрал в грудь морозный воздух. Но тётя Вера, сорвав со

своей руки варежку, приложила к его рту тёплую ладонь:

— Ш-ш-ш... Переполошишь всех. Они там как раз спать укладываются.

— Не, — так же шёпотом ответил Игорь: — Они там ещё кушают.

— Тем более, ещё и подавиться могут от твоего крика, — и они опять оба прыснули со смеху. Но только тихонько: — Чтoб никто не подавился, — сказала тётя Вера и спросила: — Хочешь ещё?

Игорь кивнул. Он съехал с горки на ногах ещё целых пять раз! И ни разу не упал!

Вот и всё. До воскресенья оставалось три дня. И три посещения садика, и три прогулки.

В тот день, счастливые, они пошли на день рождения к тёте-Веринoй крёстной дарить подарки и кушать горячие, тающие во рту шанежки с картошкой.

9

Назавтра, когда Игорь поднялся на горку, Н. и В. опять начали потешаться, обзывать и тыкать в него рукавичными руками. Игорь без крика, с серьёзным лицом съехал с горки на ногах. Потом подошёл к притихшим Н. и В. и со всей силы толкнул в снег сначала одного, а потом второго.

— Ты что творишь! — закричала воспитательница. — Марш в группу!

Игорь улыбнулся и пошёл в группу. На выходе с площадки его нагнала Оля:

— Научишь меня кататься на ногах?

— Научу.

Сзади раздался визг воспитательницы:

— Сверцова, вернись! Немедленно.

ГЛАВА 9. ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

1

И всё же, несмотря на столь доверительные отношения с тётей Верой, Игорь не мог

никак решиться задать ей главный вопрос.

На стене, прямо на ковре над кроватью у тётки Веры, висел чёрно-белый портрет военного в фуражке. Военный был в гимнастёрке с погонами, серьёзный и молодой. Во всяком случае, выглядел значительно моложе тётки Веры. Тётя Вера, по мнению Игоря, была почти как его бабушки. Тем более что носила она платки, вязаные кофты и не наряжалась, как мама. А волосы заплетала в седую косу до середины спины. А ещё тётя Вера накручивала косу вокруг головы, будто корону.

Когда Игорь чаевничал в гостях у тётки Веры, она внимательно следила, куда направлен любознательный взгляд мальчика, и, не дожидаясь вопроса, отвечала.

— Ты на слоников на комод смотришь? Это слоники счастья. Их семь, как дней недели. Хочешь в руки взять, разглядеть? — и тётя Вера снимала с комода фарфоровых слоников, стоящих по росту, друг за другом, цепляясь хоботами за хвосты.

Так в руках у Игоря перебивались практически все предметы с комода и из буфета. Не только фарфоровые статуэтки, но и гранёные зелёные рюмочки и даже драгоценная (тётя Вера так и сказала — «драгоценная») тёмно-синяя кружка тонкого фарфора с золотыми цветами и ободком:

— Всё, что осталось от мамы, — сказала тётя Вера.

А ходики на стене Игорь не только потрогал, но и, сидя у тётки Веры на руках, натянул гирьки — «завёл часы».

И только о портрете тётки Веры не говорила ничего, хотя фотография висела на самом видном месте и не заметить её было просто невозможно.

В конце концов Игорь не выдержал и как-то спросил у мамы:

— Кто у тётки Веры на стене?

Мама ответила почему-то со вздохом:

— Это её жених. Остался на войне.

Что такое война, Игорь понимал. У дяди Вани на войне остались ноги. У мамы на вой-

не пропал папа, ещё один Игоря дедушка, которого он не знал.

— Что такое «пропал»? — спрашивал Игорь у мамы.

— От него никаких вестей нет. На войну ушёл, а с войны не вернулся.

— Значит, он может вернуться?

— Не может. Слишком много лет прошло.

Это было не совсем понятно. Но Игорь больше не расспрашивал: слишком грустно смотрела на него мама и неохотно отвечала.

2

Когда Игорь узнал, что тётки-Верин жених остался на войне, он стал думать: совсем остался или пропал? У него, например, постоянно пропадают маленькие фигурки животных, мальчиков, девочек и Дедов Морозов, которые мама достаёт из буфета и даёт ему иногда поиграть, особенно когда он болеет. Не сразу, но фигурки всё равно находятся: иногда — под кроватью, иногда — в пододеяльнике. Однажды даже в кастрюле с супом нашлась Снегурочка: одному Богу известно, как она туда попала.

Ночью Игорю приснился сон: тётя Вера бредёт по лесу, такому, как на картине «Мишки в лесу», что висела у них в большой комнате. Без платка, с косой — похожая на сестрицу Алёнушку из сказки. Папа часто читает Игорю эту сказку про гусей-лебедей. И там есть рисунок на всю страницу: Алёнушка сидит возле пруда на большом камне и грустно на чёрную воду смотрит.

В общем, тётя Вера как Алёнушка, только не на камне сидит, а по лесу идёт и кричит: «Ваня! Ванечка, ты где? Ау!» И так громко, отчаянно кричит, что Игорю стало страшно, и он проснулся и закричал.

— Что ты, мой хороший? — раздался рядом успокаивающий голос, и на лоб легла мягкая мамина ладонь. А потом прикоснулись прохладные губы: — Вроде не горячий.

— Мама! — Игорь протянул навстречу руки и обнял маму за шею.

— Это всё только сон, мой хороший. Всего лишь сон, — мама зашептала ему на ухо, и, склонённая, не снимая рук сына со своей шеи, стала гладить его по спине, приговаривая: — Всё хорошо, всё хорошо, мой маленький.

Вот так бы лежать и лежать, обняв маму, целую вечность! И Игорь прикрыл глаза. Но мама шепнула: «Вставай, мой маленький. Пора в садик».

3

Вечером того же дня Игорь пил чай в гости у тётки Веры. Выпил чашку. Отодвинул в сторону, прислушался к себе: вспомнил ночной сон и утреннее обнимание с мамой. Обниматься с мамой ему понравилось, но ещё раз посмотреть страшный сон не хотелось, и Игорь спросил:

— Ты его искала? — и показал пальцем на портрет на стене.

Тётя Вера как раз встала, чтобы подлить гостю свежей заварочки. Белоснежный заварочный чайник в руках задрожал. Тётя Вера спешно поставила его на стол, боясь расплескать, и крепко зажала ладонью рот и нос, так что одни глаза были видны. И эти светлые большие глаза вдруг стали наполняться слезами. А из-под ладони вырвался то ли стон, то ли надрывный кашель.

Глядя на тётку Веру, Игорь испугался: плечики его подернулись вверх, сам он весь сжался, готовый в одну секунду сорваться и убежать куда глаза глядят. Это было ещё страшнее, чем сон, который он видел. И зачем только он спросил тётку Веру!

Но та уже совладала с нахлынувшим волнением и, наклонившись, обхватила кудрявую головку мальчика, прижала к себе, стала покрывать горячими поцелуями мягкую макушку, шепча-причитая:

— Мой ты маленький! Мой дорогой! Маленький мой...

Откуда было знать этому славному мальчику, что сегодня как раз случилась очередная дата гибели её Серёжи.

Ещё утром она доставала из буфета похоронку и в который раз перечитывала: «...Ваш муж ... капитан Н. Сергей Петрович ... уроженец... В бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 3 ноября 1943 г. ...при освобождении города Киева... Похоронен в братской могиле в селе Гатное».

Так вот уже больше двадцати лет для неё начинался этот день. Где бы она ни была, что бы ни делала — на работе или в выходной, здоровая или больная — в этот день она обязательно шла в Соломбальскую морскую церковь, где никогда за все годы советской власти не прерывалось богослужение. Ставила свечку за упокой души и обязательно — Николаю-чудотворцу. А вечером наполняла рюмочку до краёв, накрывала корочкой чёрного хлеба — для Серёжи. И себе тоже наливала. Выпивала со словами: «Покойся с миром, Серёженька! Вечная память». Знала: никто, кроме неё, не помянет — детдомовские они были оба. С детского дома сдружались, потом вместе рабфак окончили. А как стукнуло восемнадцать перед самой войной, и расписались. Да что тут вспоминать — обычная история.

А что погиб Серёжа, так на то она и война. Не держала она себя в ежовых рукавицах после смерти мужа, но и не гуляла напропалую: так, случилось трое мужичков, тоже бывших фронтовиков, на её вдовьем пути встретились. Но не с одним не срослось: не по душе. Для утешения — конечно, но не для тепла, не для долгой жизни, когда тихими тёмными вечерами хорошо молчать вдвоём рядышком, в обнимочку или поодаль, глядя на огонь в печи, или просто так, сумерничая...

Жаль одного, не родила от Серёжи ребёночка. От случайных же поначалу не хотела, а потом и вовсе поздно стало — ни к чему.

Однако ж деток любила всем сердцем. Оттого и санитаркой в детской больничке робила⁹, даже курсы прошла и уколы наловчилась делать, и с детишками в их коммунальном доме с охотой возилась.

А вот этот кудрявенький мальчонка как-то особенно к сердцу прикипел, полюбился. Доверчивый, добрый, но при этом, сразу видно, с характером: если молчит, то молчит, а удумал что, то всё равно сотворит. Даром что родители не здешние, не северные люди, а сынок вот у них растёт чисто архангельский мужичок. Нет-нет да и напомнит её Серёжку в детстве: они ж с ним с семи лет знались.

И, поди ж ты, разве случайность, что именно сегодня Игорёк спросил про Серёжин портрет. Никогда до этого не интересовался, а сегодня взял и спросил, в поминальный день.

— Мой ты маленький! Мой дорогой! Роденький мой...

Игорь слушал этот шёпот, чувствовал, как горячая влага, капля за каплей касается его макушки, чувствовал и молчал, боясь пошевелиться в тети-Вериных объятьях.

4

Вечером, уже лёжа в постели, Игорь позвал маму.

— Что, мой хороший? Не бойся, — и мама стала гладить его по голове.

Игорь одернулся:

— Я хотел спросить. Мы когда поедем в Киев?

— А что случилось?

— Надо тётю Веру позвать. У неё там муж погиб. Который на портрете. И его Серёжей звали.

Сидя на кровати сына, мать замерла: сколько за один раз узнавал её мальчик!

А они могли прожить рядом с человеком годы, так ничего о нём не узнать, не понять. Такое ощущение, что сын был взрослее и добрее их с Дэвиком во много раз.

А может, дело вовсе не в этом? Слишком много горя, унижений и потерь было за их плечами: голодные тридцатые, война, Киев, эвакуация, расстрелянные в Бабьем Яру и репрессированные уже после войны родные. Что она сама знала в своей юности: жизнь в примаках, где шестером ютились сестра с мужем и двумя сыновьями и она с матерью? Что знал её муж: ту же эвакуацию, где потерял старшего брата и сам чуть не умер, потом возвращение в Киев, где хоть дом их и сохранился, но квартира уже была занята теми, у кого прав больше и пятая графа чище. Хорошо ещё хозяин бывший как-то и выжить сумел (тоже где-то войну перекантовался, говорят, чуть не у партизан), и в Киев вернуться, и дом обратно в управление получить — видать, чем-то угодил власти. Так дал команду: зашили запасной выход на чёрную лестницу с большой коммунальной кухни второго этажа, отгородили Гуревичам двенадцать квадратов с одним окном — живите, радуйтесь.

Так и жил её Давид с отцом и матерью. Школу окончил, с ней уже всю дружил — их иначе как женихом и невестой ни друзья, ни родные не называли. На завод токарем после школы пошёл работать: вроде как и копейка своя появилась. Но куда жену приведешь — в комнатушку с родителями? Или прийти в полуподвал к ней, где и так семеро по лавкам? И хоть Элла сама уже работала на телефонной станции, на съёмную квартиру денег было не наскрести. Так бы и тянули лямку дружбы — по углам, набегам, наспех. Разве ж так семью заводят? Да и не принято было.

Жизнь, однако, сама решения предлагает, если, конечно, её попусту не торопить, глупостями собственного производства не дразнить. «Глупости собственного производства» — это фразочка из лексикона свекрови, Дэвиковой мамы. Свёкор, тот на этот счёт высказывался более утончённо: «Богу молись и не гневи». На что свекровь вскинет на него

⁹Робить — работать.

свои карие очи, выпрямит осанку — станет будто ещё выше — и произнесёт грудным певучим голосом: «Вот и молись, а детям жить не мешай. Ты молиться будешь, а они жить правильно станут — глядишь, и всё получится как надо».

И свекровь оказалась права. Ушёл суженый в армию на срочную. А через два года ему предложили в Ульяновское военное училище связи поступать. И Давид согласился: казённые харчи и обеспечение — этим всё сказано. При таком раскладе самое то — жениться. Вот так они и попали в Архангельск в 1957 году по месту службы.

Распределился лейтенант Гуревич хорошо: и мечтать даже не могли — в штаб ПВО, в сам Архангельск. У Эллы тоже как-то сразу дела в гору пошли: заметили на станции шустрю телефонисточку — круглую отличницу ещё со школы, предложили заочно «на вышку» в Одесский институт связи пойти учиться. Тем более, что начальница телефонной станции оказалась с Украины, и её муж-связист тоже при штабе ПВО служит. И тоже оба из местечковых родов. Бывают же такие совпадения! Надо было на Север приехать, чтобы своих встретить.

Так и сдружились. Даже в один год с Раисой сыновей родили: она Игорька, Рая — Левушку. К тому времени её уже звали по имени-отчеству, Элла Моисеевна, и работала она аж в областном управлении связи, и не абы кем, а заместителем начальника отдела труда и заработной платы. Родила и институт при этом умудрилась окончить экстерном, за два года. 56 дней до родов — 56 после, как говорится, употребила с пользой. Так что вернулась в строй уже дипломированным специалистом.

Спасибо матери и свекрови — с первого дня её декрета и потом, пока Игорю не исполнилось два года, постоянно жили у них в няньках, поочередно сменяя одна другую.

5

— ...Спи, мой хороший, обязательно тётю Веру с собой в Киев позовём.

6

В ближайшие выходные подошла к соседке, предложила с ними в Киев съездить, на братской могиле Серёжи побывать.

Вера сразу поняла, чьих это рук дело, — и слезы из глаз потекли сами собой. Стала благодарить:

— Хороший у вас сын, Элла Моисеевна. Сердце отзывчивое. Видно, есть в кого.

Но от поездки отказалась:

— Спасибо вам за предложение, но не поеду. Что там — братская могила... Он в сердце моём схоронен. Я с ним почти каждый день разговариваю. Так и живём на пару. Нет, на общую могилу не поеду. Лучше к Вечному огню схожу, поклонюсь. Затем и зажгли.¹⁰

ГЛАВА 10.

ПРО ВАЛЯВКИНА И БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

1

Игорь свой адрес уже в четыре года знал наизусть и произносил без запинки, даже с закрытыми глазами:

— Улица Валявкина, двенадцать, квартира тоже двенадцать.

Но то, что названа улица фамилией какого-то человека, в голове у него не укладывалось. Это было одно слово: «Улицавалявкина».

От взрослых он часто слышал:

— Мы живём на Валявкина. Ресторан в конце Валявкина. Мастер с Валявкина.

¹⁰ Монумент Победы в Архангельске. Торжественная закладка его состоялась 9 мая 1965 года. В арке, прорезающей основание стелы, установлена бронзовая чаша, в которой горит Вечный огонь Славы.

Даже «улица» добавлять не надо — все всё сразу понимали.

И на вопрос «Где ты живёшь?» он стал отвечать «Валявкина, двенадцать».

2

— Что это за «Валявкина, двенадцать»? — спросил кто-то из киевских родственников.

Игорь вопросу удивился, вздохнул: взрослым всё по сто раз разжевывать надо, объяснять. Вот тётя Этя, например, мамина сестра, всё время спрашивает:

— У вас там много снега? А медведи белые по городу ходят?

И не она одна такие глупости спрашивает. Когда Игорь стал постарше, ему порядком надоело рассказывать про снег и про то, что белых медведей в Архангельске нет, и он ответил:

— Белых медведей в Архангельске нет — все в снег провалились.

И тут же получил подзатыльник от матери:

— Не огрызайся.

Присутствующий при этом папа не сдержался и прыснул, прикрыв рот ладонью. Игорь заметил поддержку и — пропадать, так с музыкой! — демонстративно обиженно сказал:

— Папе тоже подзатыльник: он вообще смеётся!

Отец расхохотался.

Тётя с мамой переглянулись и, не сговариваясь, махнули рукой: что с дурней взять.

Вечером, по дороге к папиным родителям, у которых они останавливались, когда заезжали в Киев всей семьёй, мама по привычке «проводила анализ полётов»:

— Ну, и зачем ты при Эте ребёнка глупостям учишь и не уважать старших?

— Так пусть Этя сама его не дразнит. Сколько можно про белых медведей спрашивать?

— Она не может себе представить, как мы живём. Она слышала, что на Севере белые медведи. Что ж тут предосудительного?

— А по-моему, она просто издевается.

— Уж тогда шутит.

— Какая разница! Если шутка повторяется сотый раз, это уже издевательство, — и отец, рассердившись, ушёл вперёд. «Показывать дорогу», — говорила в таких случаях мама.

3

Так случилось, что в тот приезд, буквально на следующий день, они пошли в гости к очередным родственникам. Перед Игорем поставили тарелку с пышной куриной котлеткой. В качестве гарнира (родственница работала поваром в столовой и говорила «в качестве гарнира») ему положили пополам пюре и тушёную капусту. И в тот момент, когда у него рот был набит едой, родственница решила пообщаться с ребёнком:

— А где ты, рыбонька, живёшь?

Игорь в ускоренном темпе прожевал и судорожно сглотнул, так что родственница испугалась за его состояние, прижав правую ладонь к сердцу. А он, между тем, набычившись, членораздельно сказал:

— В снегу с белыми медведями.

— Игорь! — крикнула мать.

На этот раз отец уже не смеялся.

Игорь посмотрел на расстроенные лица родителей и сказал как учили:

— Город Архангельск. Дом на Валявкина, двенадцать.

Инцидент был исчерпан: ребёнок продемонстрировал ум и выучку. Родительское самолюбие было потешено. Больше в тех гостях Игоря ни о чем не спрашивали.

4

Родители приезжали в родной Киев один раз в год, а то и реже. Обязательной программой каждого такого приезда было посещение

родственников. В список входил добрый десяток адресов. Так что следующий день был опять гостевой: родне хотелось поглазеть на гостей с Севера и убедиться, что ребёнок у них вполне себе не дурак — мозги не при мороженые. Для общения с ребёнком был заготовлен традиционный набор вопросов. Начали издали:

— У вас там много снега?

Игорь тяжело вздохнул и приготовился отвечать, но тут вмешалась мама:

— У нас там снега столько, что мы вместе с белыми медведями и домами в нем проваливаемся.

Родственники замерли с вилками в руках и открытыми ртами.

— Давайте выпьем, — разрядил кто-то обстановку.

Вечером, возвращаясь к бабушке с дедушкой, они шли домой, держась за руки: Игорь посередине, справа папа, слева мама. Шли, как они любили гулять в Архангельске по Кузнечевскому мосту. Родители ускоряли шаг, потом переходили на бег, приподнимая Игоря вверх за руки, а он при этом поджимал ноги. И все трое хохотали как ненормальные, полоша своим смехом тихие полутёмные переулки летнего Киева.

5

Дом на Валявкина был для мальчика средоточием всего. Центром Земли. Нет, даже центром Вселенной. Да-да, именно так.

Вселенная — огромный чёрный мир, усыянный звездами. Мальчику нравилось смотреть на этот мир зимними вечерами, стоя на крыльце и задрав голову в мазутное небо, утыканное мелкими осколками. Осколки источали свет.

Однажды мальчик спросил:

— Они стеклянные?

— Кто? — не понял отец.

— Звёзды. Стеклянные?

— А почему ты так решил?

— Они светятся. Отражают свет, как стёклышки в траве. Вот только солнца не видеть. Отчего ж тогда они светятся?

Игорь уже умел читать и с подачи отца прочитал книжку «Отчего и почему» и даже уяснил, что белый солнечный луч состоит из семи цветов радуги, а капли дождя сначала поднимаются в виде пара с поверхности воды. Умный мальчик, ничего не скажешь!

— Звёзды очень далеко и потому кажутся такими маленькими, — отец начал издали. И напрасно.

— Как далеко?

— Очень. Вот наша Земля огромная?

— Да. На ней есть наш дом, двор, город наш. А ещё Киев и дорога, по которой мы туда едем.

— И ещё много других мест, — поддержал сына отец.

— И Чёрное море? — С четырёх лет родители ездили с Игорем то в Анапу, то в Адлер, то в Евпаторию, и он имел представление о море. Это тёмно-синяя с зелёным отливом, похожая на желе густая масса воды, уходящая за горизонт.

— И море, — кивнул отец. — Так вот звёзды больше Земли в несколько, а то и в сотни раз.

Мальчик задумался, пропуская в себя только что полученную информацию. Потом согласился:

— Далекое. А светятся почему?

— От солнца.

— От какого солнца?

— От своего. Видишь ли, во Вселенной множество разных Солнц и разных Земель, как наша, но значительно больше.

— И значит, там... где-то там стоит с папой такой же мальчик и... они смотрят на нас?! А мы... светимся... Но... сейчас же ночь! Вон даже двери в нашу сарайку не видать. И крысу тоже не видать — только что пробежала как тень, я догадался. Так как же мы светимся?! Как они светятся?!

— Всё. Хватит ребёнку голову морочить, — пресекла их мужской разговор мама. Накинув на плечи цигейку, она тоже вышла на крыльцо подышать свежим воздухом перед сном.

— Тогда сама объясни, раз такая умная, — обиделся отец.

— И пожалуйста. У них свет внутри, как в фонарике. И свет этот видно только издали.

Про фонарик Игорю понравилось: недавно командирский с плоской батарейкой ему подарил отец. И он восхищенно воскликнул:

— Здорово! — но тут же осекся, помолчал пару секунд и опасливо спросил. — А батарейки там какие и кто фонарик зажигает?

Мама закатила глаза и покачала головой.

— Ну что, довольна? — усмехнулся папа и примирительно сказал: — Пошли домой. Пора укладываться. Завтра вечером про звёзды договорим.

— Честное офицерское?

— Честное офицерское.

И они втроём поднялись на второй этаж в свою комнату номер двенадцать «укладываться», чтобы утром ни свет ни заря под-

няться и отправиться кому на службу, кому на работу, а кому-то и в садик. И Игорь знал, что завтра вечером папа обязательно договорит про звёзды, потому что он дал честное офицерское слово. Обязательно договорит! Если только мама не помешает с каким-нибудь очередным «фонариком».

Игорь Давидович ГУРЕВИЧ

родился в 1960 году в Архангельске.

Окончил Архангельский педагогический институт.

Поэт, прозаик. Автор более десятка книг. Лауреат

литературных премий «Ладога»

им. А. Прокофьева (2025), «Наследие» в номинации

«Поэзия» (2016) и др.

Редактор и издатель книг, в том числе

коллективных сборников. Журналист.

С 2018 года — ведущий авторской радиопередачи

«Книжная лавка» на радио ГТРК «Поморье».

Член Союза писателей России,

Союза журналистов России.

Живёт в Архангельске.

